

Д. ФУРМАНОВ

ПЬЕСА «ЗА КОММУНИЗМ»

Статья П. В. Куприяновского

Публикация А. П. Антоненковой (Отдел рукописей ИМЛИ)

Пьесу «За коммунизм» (первоначальное название «Коммунисты», 1921 г.) Дмитрий Фурманов называл своим «первым литературным трудом». Казалось бы, уже одно это обстоятельство должно привлечь к ней особое внимание. Между тем до сих пор она не была опубликована, а исследователи творчества писателя, как правило, проходили мимо нее. В известных монографиях о Фурманове Г. Владимирова и Е. Наумова пьеса не рассматривается. В разной связи ее касались А. Ф. Бережной (очень бегло)¹, автор настоящей статьи² и Г. М. Цвайг³, но более или менее обстоятельному анализу она еще не подвергалась. А пьеса эта представляет значительный интерес во многих отношениях: в ней как бы предвосхищаются отдельные мотивы и образы последующих произведений Фурманова, в особенности «Чапаева», и вместе с тем отражаются характерные черты драматургии эпохи гражданской войны.

Первоначальный замысел пьесы возник у Фурманова в середине июля 1920 г. В это время он еще находился в Верном (ныне Алма-Ата), но уже получил согласие Реввоенсовета Туркестанского фронта на перевод из Семиречья в 9-ю Кубанскую армию.

13 августа, будучи в пути из Туркестана на Кубань, Фурманов делает в дневнике запись, в которой говорит о желании «поработать на поприще литературном» и тут же сообщает: «Теперь я поглощен обдумыванием месяц тому назад задуманной пьесы под названием „Коммунисты“. Общие контуры мне уже ясны, герои налицо, направление и смысл продуманы, внешнюю декоративную сторону тоже представляю: в форму надо влить содержание. К этому еще не приступил»⁴.

Восстановить первоначальный замысел пьесы, ход работы над ней помогают черновые материалы (планы, заметки, наброски), хранящиеся в Отделе рукописей Института мировой литературы им. А. М. Горького вместе с двумя редакциями произведения. Судя по этим материалам, с самого начала работы над пьесой Фурманов стремился раскрыть в ней высокую идейность, героизм и самоотверженность коммунистов, проявившиеся в годы гражданской войны, а также показать некоторые стороны их личной жизни. В своем замысле он отталкивался от реальных событий, имевших место в период его пребывания комиссаром Чапаевской дивизии, и от реальных прототипов. Более того, в первоначальных планах отчетливо проступали автобиографические моменты.

Пьесу Фурманов предполагал было начать с картин, рисующих семью главного героя, обозначенного инициалом Д. (Дмитрий), до отъезда его на фронт. Черновые наброски к пьесе открываются характеристикой членов семьи Фурманова (матери, сестер, старшего брата, жены — Анны Никитичны, которую он звал Ная), самого Д.,

который «занимается, размышляет вслух, принимает товарищей по политическим делам»⁵. Место и начало действия обозначается в этом наброске так: «І. Иваново-Вознесенск, семья, ожидание, гадание, приезд, отношения».

Однако Фурманов тотчас же отказался от мысли показать героя до отъезда его на фронт, понимая, что это очень растянет пьесу, лишит ее необходимого драматизма, придаст ей хроникальный характер. Отбросив «довоенные» эпизоды, автор сконцентрировал внимание на фронтовой обстановке. Действие пьесы переносится на Восточный фронт в период наступления Колчака и контрнаступления советских войск на Уфу (май — начало июня 1919 г.).

В число действующих лиц по первому списку, составленному Фурмановым, должны были войти: главные действующие лица — Д. и Ная; затем Ч. (переправлено на Г.), Медведич, Исаев, заподив (позднее приписано сверху: Луканин), жена Ч. (Ч. исправлено на Г.); хозяйка дома в Б<узулу>ке, ее сын — «дряблый интеллигент», две сестры милосердия, красноармейцы.

Список этот легко расшифровывается: Д. и Ная — это сам Фурманов и его жена, Ч. — Чапаев, Медведич — вестовой Фурманова Александр Данилович Медведев (Фурманов его звал или «Медведич» или «Данилыч»), Исаев — вестовой Чапаева. Таким образом, здесь обозначены подлинные имена и фамилии героев. Но это не значит, что в таком виде они должны были войти в пьесу. По-видимому, на первом этапе обдумывания произведения и его героев подобное обозначение носило чисто рабочий характер, и автор уже тогда намеревался в ходе дальнейшей работы изменить реальные имена и фамилии на вымышленные. Так это и произошло. Но автобиографическая и реальная основа замысла подтверждается также и характеристиками действующих лиц.

Для творчества Фурманова чрезвычайно характерно стремление осмыслить свой личный опыт как бы со стороны, в свете социально-исторических задач, выдвигаемых эпохой. Это сказалось и в «Чапаеве» и в «Мятеже». Это проявилось и в процессе создания пьесы «За коммунизм».

В центр пьесы Фурманов поставил образы Д. и Наи. На этих образах в первую очередь и должен был раскрываться ее идейный замысел, который сформулирован автором так: «Смысл драмы — показать наряду с достоинством коммунистов вообще — и величие женщины-коммунистки и счастье семейной, истинно свободной жизни».

Предварительные характеристики главных героев драмы содержат еще недостаточно материала для реализации этого идейного замысла. О Д. говорится: «Д. — военкомдив, 25 л<ет>, средн<его> роста, мой образ, обращение простое, доброе. Тверд, спокоен. Ласков. Открытый, прямой, честный, убежденный коммунист, сознательно и поэтически увлеченный революцией. Его цель — писательство, но он хорошо понимает, что в данное время более полезен как организатор и проповедник коммунизма живым словом». Далее в характеристике уделяется много места его взаимоотношениям с женой, тому, как у него складывается новый взгляд на семейную жизнь и на Наю. В другой характеристике своего героя Фурманов отмечает обобщающий смысл этого образа («Д., как много ему подобных, честен, смел, сознателен») и указывает, что с Наей «они живут тесной семьей, как истые коммунисты, у них все пополам». Мотив идейной близости, общности целей в жизни и борьбе как основы личного счастья подчеркивается и в характеристике Наи, которая рисуется «верным товарищем с развитым чувством солидарности», «спокойной и мужественно-неустранимой коммунисткой». Но героиня здесь больше представлена не в ее общественных, а в чисто личных качествах (внешний облик, артистичность натуры, любовь к мужу, не выносит измены, страстно желает ребенка и т. д.).

«Достоинства коммунистов», по замыслу автора, должны быть воплощены не только в главных героях драмы, но и в других персонажах. В их числе ткачиха-санитарка Матрена, которая, оставив двоих детей в приюте, добровольно пошла в Красную Армию защищать завоевания революции, Данилыч, который предан своему комиссару и под его руководством постепенно «перерабатывается из темного и невежественного ч<елове>ка в сознательного коммуниста».

Д. А. ФУРМАНОВ С ЖЕНОЙ — А. Н. ФУРМАНОВОЙ

Фотография, 1919 г.

Институт мировой литературы им. А. М. Горького, Москва

Характеристики Чапаева среди черновых набросков и заметок к пьесе нет, но о нем идет речь в изложении начала действия драмы в связи с образом Д<митрия>:

«Ведут разговоры о том, кто кем был: столяры, пьяницы-картежники, кузнецы, батраки. Вспоминают эпизоды боевой жизни, гл<авным> обр<азом> на Уральском фронте. Момент начала действия — наступление Колчака: здесь необходимы исторические справки, количество войск, план наступления, состав и благонадежность наших частей, нашей дивизии.

Начало действия: Ч. и Д. сидят за картой военных действий и вырабатывают оперативный приказ. Беседуют о коммунизме, о женском вопросе, о женах, о самарских девушках, наконец, о Нае. Д. его заинтересовывает личностью Наи, рассказывая историю знакомства и отношений. Ч. жалуется на свою неудачную жизнь, обрисовывая свое прошлое, военную жизнь, протестантство. Д. рассказывает свое прошлое, воспитание, жизнь во время детства, студенчество, до революции.

Входят Исаев и Медведич — покорные, услужливые, преданные...»

В процитированном изложении действия преобладает не драматургический, а чисто повествовательный элемент. В процессе создания пьесы Фурманову приходилось постоянно бороться с этим недостатком, однако он так и не был преодолен до конца. С ним мы встречаемся и в большинстве драматических произведений эпохи гражданской войны.

Содержание этого наброска в пьесе не нашло отражения. Образ Чапаева владел художественным сознанием Фурманова, но вывести его в драматическом произведении писатель не решился. Отдельные мотивы наброска (Чапаев за картой, беседа о коммунизме, рассказ о своем прошлом и т. д.) найдут потом свое развитие в повести «Чапаев». Таким образом, работа Фурманова над пьесой должна рассматриваться как один из первых этапов в освоении им «чапаевской» темы.

Как было отмечено выше, вместо Чапаева в число действующих лиц пьесы Фурманов включил нового героя — Г. В характеристике этого персонажа писатель поместил: «Г. — комполка (первоначально было: начдив); тип — Горбачев». Г. А. Горбачев — это комиссар 73-й бригады в Чапаевской дивизии, затем был командиром одного из полков 75-й бригады. В повести «Чапаев» он выведен в гл. IX («Перед боями») под фамилией Буров.

Фурманов так характеризует Г.: «Рабочий-кузнец, в прошлом фельдфебель. Год назад был военкомбригом. Дитина — высокий, широкогрудый, смуглый, лет 30. Краток, не терпит возражений, распорядителен, сообразителен, честолюбив, горяч, смел... Печалится на неразвитость и необразованность, собирается посещать школу подлива... Брат и друг кр<асноармей>цам, в обращении прост до грубостей».

Введение вместо Чапаева другого персонажа — Г., командира полка, значительно изменило план пьесы. Действие ее охватывает теперь не дивизию, а сужается до «полковой площадки», Д. превращается в комиссара полка, исчезают фигуры Исаева и заподива, появляется жена Г. — Алена Яковлевна (ее характеристика также имеется в черновых материалах к пьесе) и т. д.

Общий план пьесы, по действиям, Фурманову рисуется теперь в следующем виде:

I. Бузулук, полк только что пришел, кв<ртира> Д. и Г.

II. Советание коммунистов полка перед боем („Интернационал“ поют).

III. Окопы на валу.

IV. Штаб полка (зачеркнуто первоначальное: штаб бригады).

Вслед за этим планом Фурманов записывает кратко содержание IV действия, которое, в общем, соответствует содержанию III действия в последней редакции пьесы, и содержание сцены на валу в окопах. Среди персонажей Фурманов «по инерции» называет еще Ч., т. е. Чапаева («Затем приезжает Ч.»), но это явная описка — надо Г.; вместо заподива появляется новое лицо — Слепцов, который остался в обоих вариантах пьесы.

По-видимому, на этом обдумывание Фурмановым пьесы на какое-то время было прервано. Он уяснил для себя общие контуры произведения, его героев, основные

события и сделал черновые заметки и заготовки типов, как раз соответствующие тому, о чем говорится в приведенной выше дневниковой записи от 13 августа 1920 г. Судя по всему, заметки и характеристики типов драмы делались именно в это время, в пути, в вагоне, о чем свидетельствует неустойчивый, нетвердый почерк некоторых записей.

Трудно сказать, продолжалась ли еще работа над пьесой по дороге на Кубань. Скорей всего, нет. В Екатеринодар (теперь — Краснодар) Фурманов прибыл 25 августа. На следующий день он был назначен комиссаром в экспедиционно-десантный отряд Е. И. Ковтюха по разгрому войск генерала Улагая. Из десантной операции на реках Кубань и Протока Фурманов возвратился в Екатеринодар в середине сентября и сразу же включился в большую военно-политическую работу на посту заместителя, а затем начальника политического отдела 9-й Кубанской армии. 26 сентября он отмечает в дневнике: «„Коммунистов“ не пишу, что-то мало верю, что они выйдут пригодными для сцены»⁶. Работу над пьесой Фурманов смог возобновить лишь в самом конце года, о чем есть краткое упоминание в дневнике за 12 декабря⁷. В основном же пьеса писалась в начале 1921 г. 27 февраля он закончил первую редакцию произведения (эта дата проставлена в конце рукописи⁸), а 5 марта в дневнике отметил: «Закончил драму „Коммунисты“. И завтра буду первый раз ее читать в кружке ближайших товарищей»⁹.

Драма в ее первом варианте состояла из четырех действий, как и было намечено автором в предварительном плане. Только II действие обозначено «Заседание ячейки», а не «Совещание коммунистов полка перед боем». Среди действующих лиц мы видим тех же, что и во втором варианте: комиссар полка Дубровин, его жена — председатель культпросвета Вера Михайловна, командир полка Храмов, его жена Алена Дмитриевна, вестовой Дубровина Купря (Куприянов), хозяйка дома Маремьяна Ивановна Сизова, химик Слепцов, его невеста-учительница Кудрявцева Лидия Петровна, санитарка Марфа, телефонист, красноармейцы. Кроме того, во II действии участвовал еще председатель ячейки Морозов.

Как явствует из перечня, подлинные имена и фамилии персонажей Фурманов заменил всюду вымышленными, ибо, отталкиваясь от реальных лиц и событий, Фурманов в своей пьесе не стремился к фактографичности. Например, автобиографический характер образа Дубровина явственно ощущается, тем не менее в его биографии и действиях, как они представлены в драме, немало такого, чего в жизни Фурманова не было (арест в конце 1915 г. за революционную деятельность и др.).

По-видимому, автор долго колебался относительно необходимости в пьесе II действия. В конце концов он его снял. И сделал это до читки произведения в кругу товарищей, так как в записи замечаний, набросанной Фурмановым по ходу обсуждения, речь идет о пьесе, состоящей уже из трех действий¹⁰.

II действие (в первой редакции) было важно в том отношении, что оно показывало главного героя-комиссара в его непосредственной функции, как партийно-политического работника Красной Армии. На заседании ячейки, созванной во время отдыха после двухнедельных боев, Дубровин произносит содержательную речь по поводу чрезвычайного происшествия — измены комбрига Лебедева, перешедшего на сторону белых и увлекшего за собой идейно нестойких бойцов-крестьян¹¹. Он много говорит о политической работе среди масс, о Красной Армии, сильной своей революционностью, сознательностью, преданностью делу народа, о необходимости проведения предупредительных мер, исключающих возможность измены, и т. д. В то же время он осуждает огульно-недоверчивый подход к спецам, к бывшим офицерам. Речь Дубровина и его выступление после прений коммунистов выдержаны в стиле агитационной драматургии эпохи гражданской войны. Но Фурманов не мог не почувствовать, что и эта длинная речь и все II действие тормозят развитие пьесы, почти не связаны с последующими событиями. Более того, при наличии этого действия получалось повторение одного и того же мотива — измены командира (см. II действие второй редакции).

Значительный интерес по материалу, по его перекличке с «Чапаевым» представляет сцена в начале II действия. Перед заседанием ячейки Дубровин наблюдает, как

отдыхают и веселятся красноармейцы. На улице слышны гармошка, песни, частушки, бойцы поют про Колчака:

Что ты, милая гармошка,
Не поешь про Колчака?
Аль и впрямь ему намяли
Адмиральские бока?

После этого следует лирический монолог Дубровина:

«Удивительный народ: ночью почти не спали, всё ждали атаки на заре; целое утро шел непрерывный бой... Потом этот пронизывающий осенний ветер ¹², слякоть, дождь... 12 верст хлюпали сюда по глубокой грязи. Да ведь в чем шли — разутых 65%! Только подумайте: на каждую сотню 65 человек разутых! Разве это не ужасно?! Намотали какое-то отрепье; веревочками связали распавшиеся подметки, снизу прихватили кто штаниной, кто портянкой... Не войско двигалось, а цыганский табор... Но попробуй ты этот табор задеть — о, как он сразу станет и силен и грозен! Вот пришли на стоянку — измученные, мокрые, голодные... Кажется бы спать, только спать с усталости и больше ничего. А вы пройдитесь возле костров — сколько там, за котелками, веселых рассказов, жестоких острот, беззлобного и свежего юмора... Как хорошо у красноармейских костров! Я часто сижу с ними у потухающих углей — там непременно кто-нибудь рассказывает. Картины из боевой жизни — замечательные, интересные картины... Вся эта красота боевой жизни у нас пропадает совершенно без следа — художников, бытописателей, видно, нет... Разве не следовало зарисовать хотя бы эту ватагу красной армии с верной спутницей гармошкой? Гармошка ведь им отшибает всякую усталость... Попробуй-ка, ударь „Камаринского“ — куда твой сон, куда твои худые сапоги — весь полк пойдет вприсядку. Умеет крепко драться наш краснoармеец, но любит и веселиться нараспашку... Хорошие ребята, эх хорошие: с ними ни тоски, ни печали, все время словно в кипящем котле...»¹³

Этот монолог заставляет вспомнить лучшие страницы «Чапаева», где показаны и боевая страда, и тяжелые испытания, и молчаливый героизм, и красноармейские костры, и веселый отдых с гармошкой, с «Камаринской», с песнями, и эти хорошие — нараспашку — ребята. Пьеса «За коммунизм» была первой заявкой Фурманова на изображение гражданской войны в ее героике и быте, и в этом отношении монолог Дубровина весьма примечателен.

Над пьесой Фурманов работал с увлечением. В дневнике в это время встречаются такие записи: «Только пишу — много и с любовью. Эх, деликом бы уйти в писательство, оставить бы административные муки!.. Я хочу и могу писать» (19 февраля 1921 г.)¹⁴; «Это — любимая, по сердцу работа» (5 марта 1921 г.)¹⁵.

Естественно, что, отдав много сил и любви своему литературному первенцу и закончив его, Фурманов хотел знать мнение о нем своих товарищей и театральных работников.

Интерес к театру у него был давний. В пору гражданской войны он заботился о создании театральных трупп в армии, о репертуаре для них, об использовании театрального искусства в агитационных целях¹⁶. При политотделе 9-й армии в Краснодаре были свой театр и красноармейские труппы. Жена Фурманова Анна Никитична, возглавлявшая в Чапаевской дивизии походный театр, при политотделе армии руководила студией по подготовке клубно-театральных работников и ставила со студийцами спектакли¹⁷. Театральный репертуар был крайне беден, особенно на современную тему. Так, в Краснодаре, в театре политотдела 9-й армии в сезон 1920/1921 г. шли пьесы «Катастрофа» Делла Грации, «Гибель „Надежды“» Г. Гейерманса, «Волшебная сказка» И. Потапенко, «Начало карьеры» В. Рышкова, «Подле бога» И. Кожухова (местного автора, служившего в 9-й армии), «Мужик-барин» Гольберга, «Плоды просвещения» Л. Толстого, «Взятие Бастилии» Р. Роллана и др. Почти все эти произведения по своему содержанию, материалу, образам были далеки от революционной современности, злобы дня.

Фурманов, надо думать, учитывал это, создавая драматическое произведение о борцах за коммунизм, проникнутое призывно-революционным духом, и хотел видеть его на сцене. Но, как вспоминает Анна Самойловна Щуцкевер, работавшая вместе с ав-

тором в политотделе 9-й армии, «Фурманову не повезло с этой пьесой» при обсуждении. Читка и обсуждение происходили на квартире у члена Реввоенсовета 9-й армии М. С. Эпштейна в узком кругу товарищей по работе. «Помню, — пишет А. Шуккевер, — что в обсуждении ее принимали участие также режиссеры театра 9-й армии Розен-Санин и Дмитриев. Незабываемы остались сцены в окопах во время и после боя... Они были очень живо написаны... По мнению театральных работников, пьеса была сложна для постановки в тех условиях, и потому от нее отказались... Не встретив на обсуждении заслуженной поддержки, Фурманов охладел к пьесе „За коммунизм“»¹⁸.

Как уже отмечалось, среди материалов к пьесе «За коммунизм» хранится запись замечаний о недостатках пьесы. В ней 32 пункта, она не имеет какой-то системы, некоторые положения повторяются: чувствуется, что это запись мнений различных людей, вероятнее всего, это запись того обсуждения, о котором вспоминает А. Шуккевер.

Фурманов внимательно отнесся к критическим замечаниям. Против некоторых пунктов, заслуживавших, по его мнению, внимания, он поставил красным карандашом знак X. В девяти случаях из шестнадцати этот знак затем зачеркнут чернилами. Сличение первой и второй редакций драмы показывает, что знак X зачеркнут против тех замечаний, которые Фурманов принял и по которым внес во вторую редакцию исправления. Но исправления делались им и независимо от замечаний.

При переработке автор сократил ремарки, длинные речи героев, убрал некоторые диалоги, затягивающие действие, снял чтение Дубровиным письма Купри в деревню, большой монолог Дубровина о военном положении страны, переделал конец I акта и финал драмы, принял замечание «Разрывы снарядов сократить, чтобы не получилась батальная пьеса» и ряд других. Как уже говорилось, во второй редакции пьесы стала трехактной, так как Фурманов исключил II действие (по первому варианту) — «Заседание ячейки». В результате этих переделок драма стала более компактной, целеустремленной, хотя с исключением «Заседания ячейки» она кое-что и утратила в раскрытии образа главного героя.

Что же представляет собой пьеса во второй редакции, в том виде, в каком ее оставил автор, прекратив дальнейшую работу над ней?

Общий замысел произведения в процессе подготовительной работы, писания и переделки первой редакции каких-либо существенных изменений не претерпел. В центре внимания автора стоят коммунисты — новые люди, сознательные борцы за новую жизнь.

Проблема формирования нового человека, рожденного революцией, его идейных и моральных качеств глубоко волновала Фурманова. В самоотверженных борцах-революционерах он видел людей нового типа и восхищался ими. «Мало вас, коммунистов, — писал он еще 13 ноября 1918 г. после фабричного митинга в Иванове, — зато хорошие вы, честные люди и твердо-смелые борцы»¹⁹. Во время гражданской войны писатель видел поведение коммунистов, их исключительную преданность партийному долгу, готовность пойти на самопожертвование ради великой идеи. Это о них говорил Фурманов в конце 1919 г. в статье «Сознательные герои»: «Их героизм вытекает с неизбежностью из глубокого убеждения в правоте своего дела; они тверды и мужественны, пламенны и решительны, они стойки и спокойны, ибо сознательно вступили в борьбу»²⁰. Такими сознательными героями были и коммунисты Чапаевской дивизии, и небольшой партийный коллектив в Верном, выстоявший в схватке с пятитысячной мятежной толпой. Таким был сам Фурманов, их товарищ, их комиссар, их идейный руководитель.

Герои драмы — коммунисты — изображены писателем в испытаниях боевой жизни. В решающий момент все они ведут себя достойно. Комиссар Дубровин принимает на себя командование, отбывает у противника мост и, смертельно раненный, умирает с сознанием: «Я свое дело сделал»²¹. Раненые Купря и Марфа остаются в строю. Вера Михайловна, жена Дубровина, страшась за него, в то же время и не думает отговаривать мужа от опасного задания, она всюду выступает как его верный помощник, их видят вместе в окопах. Человеком долга предстает и командир полка Храмов.

По мысли автора, главную идейную нагрузку в произведении должен нести образ Дубровина. Он — прямой предшественник образа Клычкова в «Чапаеве». Как и Клычков, Дубровин оказывает непосредственное воздействие на окружающих. Под его влиянием вестовой Купря вступает в партию; Вера Михайловна из легкомысленной и беспечной девушки превращается в идейного соратника Дубровина, становится его боевым другом, ведает всей культурно-просветительной работой в полку; своим тактом он сдерживает резкость и горячность Марфы. И в личной жизни и в бою Дубровин подает пример другим. Он уверен в победе над врагом, сердечен, тактичен и прост в обращении с людьми, глубоко принципиален (спор с осуждающим революционные методы интеллигентом Слепцовым, который во II действии первого варианта пьесы назван меньшевиком).

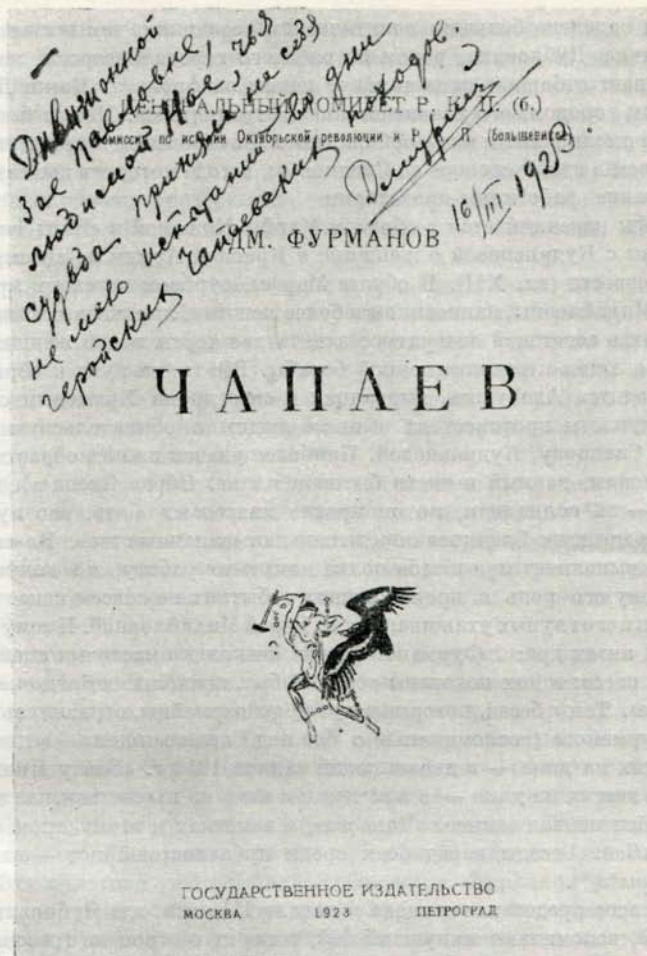
Большое место в пьесе заняли взаимоотношения Дубровина с женой, раскрывающие мысль о том, что и в условиях революции возможно и оправдано личное счастье людей, если основу их отношений составляют не только взаимное чувство, но и общность идейных убеждений. К этой мысли Фурманов пришел далеко не сразу. В его дневниках 1917—1919 гг. есть несколько записей в духе аскетизма и жертвенности. Самая мысль о личном счастье некоторое время представлялась ему кощунством. Еще 29 ноября 1919 г. он писал: «Она не нова, эта правильная мысль: революционеру не стоит жениться. Женщина всегда свяжет, как бы она тебя ни любила»²². Однако такой взгляд опровергался его личным житейским опытом. О своем союзе с Анной Никитичной Фурманов писал, что он заключен «во имя чистого, глубокого нежного чувства долготелней любви, во имя идеалов революций, за которые мы боремся рука об руку, и во имя общего стремления к перерождению и созданию кристально чистой и гармонической личности»²³. И в дневнике Фурманов отмечал, что жена ему «не в обузу»: «она везде меня укрепляет и придает мужества»²⁴. «Ты даже в бой со мной ходишь», — говорил он, обращаясь к Анне Никитичне, — под ураганным артиллерийским огнем ты стоишь со мною плечом к плечу. Как же не любить тебя за такую самоотверженную глубоко любовь»²⁵.

В наброске характеристики Д. все эти колебания и противоречия Фурманова в решении вопроса о личном счастье нашли свое отражение, но в пьесе они не вошли. Не вошел и мотив «очищения» героя от некоторых старых предрассудков в его взглядах на женщину. Поставленная в пьесе проблема «счастья семейной, истинно свободной жизни» решается иллюстративно, без драматических коллизий, в ее чисто позитивном виде. В этом, конечно, недостаток произведения. Но нельзя не отметить новаторскую попытку Фурманова нарисовать образ нового человека многогранно, не только в его общественной функции, но и в личной жизни.

Эта попытка связана с глубоким интересом Фурманова к нравственному облику коммуниста, к вопросам коммунистической этики, что сказалось и в других его произведениях, создававшихся одновременно с пьесой «За коммунизм», — в повести «Записки обывателя» (датирована 13 февраля 1921 г.) и в очерке «Андреев» (датирован 21 марта 1921 г.). В персонаже «Записок обывателя» Вениамине Барском Фурманов решительно осуждает несовместимые с коммунистической моралью черты индивидуализма и обывательщины. Герой очерка «Андреев» — армейский политработник, прямая противоположность двуличному Барскому: у этого человека, отличающегося партийной принципиальностью, идейные убеждения никогда не расходятся с поступками, поэтому его прежде всего характеризуют «духовная чистота», «открытая, благородная» прямота натуры. В очерке с большой силой подчеркнут призыв к коммунистам «работать над собой, чтобы сделаться действительными и достойными носителями великого учения, за которое боремся, — учения коммунизма»²⁶.

Дубровин близок к герою очерка «Андреев», тот и другой отражают процесс формирования новой личности. В художественном отношении образ Дубровина выполнен еще слабо: он декларативен, мало показан как комиссар; в его взаимоотношениях с Верой Михайловной, занявших непропорционально много места в пьесе, прорываются нотки сентиментальности.

Значительно выразительнее образы Купри и Марфы, в которых намечены характеры, их социально-типические черты и индивидуальные особенности. Персонажи эти

ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ Д. А. ФУРМАНОВА ЖЕНЕ — А. Н. ФУРМАНОВОЙ
НА ТИТУЛЬНОМ ЛИСТЕ ПЕРВОГО ИЗДАНИЯ РОМАНА «ЧАПАЕВ» (М.— Пг., 1923):

«Дивизионной Зое Павловне, любимой Нае, чья судьба
приняла на себя немало испытаний во дни геройских чапаевских походов.
Дмитрий. 16/III. 1923»

Литературный музей, Москва

раскрыты в ряде хорошо написанных сцен. Такова сцена, где Дубровин заполняет для Купри анкету, чтобы его перевели из сочувствующих в члены партии. Куприя инстинктивно чувствует правду коммунизма и в партию вступает потому, что там «дружнее будет» бороться за эту правду. Он выходец из крестьян, и крестьянская натура сказывается в его поведении и языке. Интересен в этом плане его ответ на вопрос анкеты об имуществе. Ответ выдержан в стиле неторопливо-размеренной, с поговорками, мужицкой речи: «Какое имущество: на спине заплата, навоз да лопата! Известно наше крестьянское дело. Пашем и всё». По словам Дубровина, в анкете Купри «отразилась вся история его несложной жизни», он уверен, что из Купри выйдет прекрасный коммунист. «Эх, Куприя, Куприя, символическая ты личность!» — говорит в заключение Дубровин, подчеркивая обобщающий смысл образа этого героя.

Марфа во многом под стать Купре, она тоже олицетворяет собой народные низы, поднявшиеся на борьбу за правду коммунизма. Но она — представительница

пролетариата и наделена большим политическим сознанием, чем вестовой комиссара. Марфа — землячка Дубровина, родом из рабочего города Северска, который терпит голод, но посылает отборные пролетарские полки на фронт²⁷. Как и Дубровин, она гордится родным городом, его революционными традициями. Может быть, Марфа излишне резка, прямолинейна и категорична, но она откровенна и принципиальна и выходит победителем в идейном споре со Слепцовым, в ходе которого выявляется ее классовое самосознание работницы-пролетарки.

Образ Марфы перекликается с образом Марфы Кожаной в «Чапаеве», предваряет его. Спор Марфы с Кудрявцевой о женщине в Красной Армии по-своему также отражается потом в повести (гл. XII). В образе Марфы, суровом по своим краскам, как и в образе Веры Михайловны, написанном в более нежных, лирических тонах, Фурманов одним из первых в советской литературе запечатлел черты новой женщины, живущей интересами революции и революционной борьбы. Где-то на пути к образам женщин этого типа находится Аленушка, вырванная в свое время Храмовым со «дна».

Герои-коммунисты противостоят в пьесе людям с обывательским сознанием — Маремьяновне, Слепцову, Кудрявцевой. Наиболее удачен из них образ хозяйки квартиры Маремьяновны, данный в чисто бытовом плане. Образ Слепцова во многом не ясен. Слепцов — за социализм, но он против классовых битв, его пугают жертвы в борьбе. Марфа позицию Слепцова определяет как «слизнячество». По-видимому, этот инженер-химик выполняет при штабе полка какую-то работу, но какую — из пьесы не видно, поэтому его роль в происходящих событиях не совсем ясна. Больше всего Слепцов показан в его глупых ухаживаниях за Верой Михайловной. К тому же он — трус.

Во II и III актах драмы Фурманов создал несколько массовых сцен. Они играют важную роль в пьесе: в них показаны военный быт, психология бойцов, облик красноармейской массы. Темы бесед, которые ведут красноармейцы, отразились в свое время в дневниках Фурманова (вспоминание о бое под Саракамышем — в дневнике 1914—1916 гг.; о вестях из дома — в дневниковой записи 1919 г. «Бой у Пилюгина»). Вторая беседа — о вестях из дома — в измененном виде из пьесы перешла в повесть «Чапаев» (гл. X). Вынашивая замысел «Чапаева», в заметках к этому произведению Фурманов писал: «Бой. Беседы перед боем среди красноармейцев — взять из пьесы „За коммунизм“»²⁸.

Особый интерес представляет сцена в начале III акта, где Дубровин и красноармейцы пьют чай, вспоминают минувший бой, говорят о героизме (рассказ о безногих красноармейцах, оставшихся в строю, войдет затем в повесть «Чапаев»), о самоотверженной работе красноармейско-санитарок. В разговоре здесь противопоставляется первая мировая война гражданской. Гражданская война воспринимается красноармейцами как война за их кровные интересы — этим и объясняются их героизм и самоотверженность. «Ведь только посмотреть было надо сегодня в атаке, — говорит Дубровин, — словно у каждого крылья за спиной появились: вперед и больше никаких!»

Пьеса Фурманова «За коммунизм», названная автором драмой, не может быть причислена к художественно зрелым произведениям. Она написана в начале творческого пути автора «Чапаева», и это надо иметь в виду при ее оценке.

Пьеса представляет собою ряд сцен, скрепленных образом главного героя и общей идеей. В ней нет развернутого конфликта, который цементировал бы все ее содержание, наполняя внутренним действием и создавал единый стержень событий. Столкновение характеров, составляющее суть подлинно драматического произведения, то и дело подменяется в пьесе диалогическим повествованием. Герои подчас декларативны, многословны. Все эти и другие очевидные недостатки произведения, разумеется, можно было бы отнести на счет недостаточной художественной опытности автора. Но вопрос этот более сложен. Подобные недостатки были широко распространены в советской драматургии первых лет революции, и поэтому дело здесь не только в личных качествах того или иного автора, но и в том, что на первом этапе своего развития советская драматургия переживала некоторые общие трудности, связанные с эстетическим освоением совершенно нового жизненного материала, новых героев революционной эпохи. В этом смысле драматургический опыт Фурманова — и в своих достоинствах и в своих недостатках — характерен для драматургии того времени.

Развитие советской драматургии в период гражданской войны шло в основном по трем руслам: 1) инсценировки массовых народных празднеств, зачастую выдержанные в символично-аллегорической форме (к ним в известной мере близка «Мистерия-буфф» Маяковского); 2) агитки, связанные с воспроизведением злободневных событий и трактовкой животрепещущих жизненных вопросов (содержание одной из таких агиток подробно охарактеризовано в XV гл. «Чапаева»); 3) бытовые пьесы, близкие к агиткам, но в своих лучших образцах содержащие черты уже подлинно реалистической драматургии («Марьяна» А. Серафимовича, «Захарова смерть» А. Неверова, «Красная правда» А. Вермешева и др.).

Все жанры драматической литературы того времени были тесно связаны с публицистикой эпохи и имели в той или иной мере агитационный характер. Это вызывалось насущными потребностями и задачами театра, которые в одной из инструкций тех лет определялись таким образом: «В условиях революционной войны все силы театра должны быть направлены на поднятие энергии и воли к борьбе рабоче-крестьянской армии, на агитацию в широком смысле слова. Репертуар должен быть приподнято-героическим, театром больших эмоций»²⁹.

Фурманов был хорошо знаком с практикой агитационного театра и его репертуаром. Позднее по поводу агитпесей, подготовленных для труппы Чапаевской дивизии, он писал, что многие из них были сделаны «неуклюже, нелитературно, зато имели какое-то необъяснимое качество самородности, силы, верного уклона, верных мыслей и сильных чувств, при полном иной раз неумении эти мысли и чувства воплотить в художественную форму»³⁰.

Черты агитационности ощущаются и в драме Фурманова, причем не только в высказываниях комиссара Дубровина, но и в концовке I акта (пение популярной песни «За власть Советов»), и в названии произведения, и в ряде других моментов. Однако Фурманов, как правило, воздерживается от «лобовой» агитации, свойственной пьесам-агиткам. Примечательно, что он не внял одному из советов сделать финал пьесы прямо агитационным: «...все встанут у гроба. Вдруг тревога, выстрелы, все бегут на бой, и в том числе и Вера». Он не принял и критического замечания: «Быт разжижает идею». Подобные указания были подсказаны практикой агитационного театра в его чистом виде. Эта практика уже изживала себя, когда Фурманов работал над пьесой.

По своим жанровым особенностям драма Фурманова «За коммунизм» ближе всего к бытовым пьесам, где персонажи живут более или менее самостоятельной жизнью, а не выступают как чистые «рупоры идей». Такие пьесы в основном создавались в конце гражданской войны, и их авторы стремились отойти от прямолинейной агитационности, плакатности, упрощенности и декларативности, они пытались воссоздавать характеры, психологически мотивировать поступки и поведение героев, не чуждались бытовых сцен. Это была плодотворная тенденция, знаменовавшая начало перехода советской драматургии на более высокую ступень, к драме середины 20-х годов («Шторм» В. Билль-Белоцерковского, «Любовь Ярвая» К. Тренева и др.).

Драму Фурманова следует рассматривать в ряду таких пьес, как «Подполье» И. Козлова, «Город в кольце» С. Минина и др., воспроизводивших яркие эпизоды гражданской войны, участниками которых были сами авторы. В этих пьесах, как и в драме Фурманова, на первом плане тоже стоят образы уже сформировавшихся самоотверженных революционеров, их деятельность и борьба³¹. Но идейный замысел Фурманова шире, он охватывает и сферу личной жизни положительного героя.

Идейно-художественная проблематика пьесы «За коммунизм» представляется весьма значительной и показательной для автора «Чапаева» и для советской литературы начальной поры ее становления. Уже в этом произведении Фурманов выдвинул тему партии и народа, сделал серьезную заявку на создание образа положительного героя, стремится к сочетанию героики и быта, встал на путь реалистического изображения народных масс в революции, их настроений и подвигов, вдохновленных великой идеей борьбы за коммунизм.

Пьеса печатается по карандашной рукописи, содержащей перебеленный текст произведения и хранящейся в Отделе рукописных фондов ИМЛИ (II, 62) в двух экземплярах (второй экземпляр сделан под копирку).

Текст переписывался с авторской рукописи первой редакции, подвергшейся многочисленным исправлениям и сокращениям. Часть пьесы переписана рукою Фурманова, который в процессе переписки вносил еще некоторые изменения. Многие страницы I действия и все II действие написаны другим почерком. На этих страницах встречаются явные искажения, опшибки и описки. В настоящей публикации они исправлены по рукописи первой редакции.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ А. Ф. Бережной. Д. А. Фурманов как литературный критик. (К вопросу о формировании литературно-эстетических взглядов писателя). — «Вестник Ленинградского ун-та», 1955, № 9, стр. 87.

² П. В. Куприяновский. Дм. Фурманов и театр. (По архивным материалам). — «Филологические науки. Научные доклады высшей школы», 1959, № 3, стр. 142—143; его же. Горький. Фурманов. Серафимович. А. Толстой. Литературно-краеведческие очерки. Ивановское книгоизд-во, 1960, стр. 124—125.

³ Г. М. Цвайг. История создания «Чапаева» Дм. Фурманова. Автореферат диссерт. на соискание ученой степени канд. филол. наук. М., 1960, стр. 7 (Моск. обл. педин-т им. Н. К. Крупской).

⁴ Дм. Фурманов. Собр. соч. в четырех томах, т. 4. М., Гослитиздат, 1961, стр. 237.

⁵ Отдел рукописей ИМЛИ, II.62.1803 («За коммунизм» — заметки, записи и др. материалы). Далее все цитаты из пьесы даются по этому источнику; цитаты из второй редакции пьесы также не оговариваются.

⁶ Дм. Фурманов. Собр. соч. в четырех томах, т. 4, стр. 239.

⁷ Отд. рукописей ИМЛИ, II.62.1713.

⁸ Там же, II.62.1802.

⁹ Дм. Фурманов. Собр. соч. в четырех томах, т. 4, стр. 250.

¹⁰ См. отд. рукописей ИМЛИ, II.62.1803.

¹¹ В основу этого эпизода легло действительное событие в Чапаевской дивизии — измена командира 74-й бригады Авилова, бывшего офицера, перешедшего на сторону белых и выдавшего Колчаку планы красного командования (см.: И. С. Кутяков. Василий Иванович Чапаев. М., Воениздат, 1958, стр. 46).

¹² Фурманов колебался в обозначении времени действия пьесы между летом и осенью 1919 г.: в первой редакции отнес к осени, во второй — к лету.

¹³ Отд. рукописей ИМЛИ, II.62.1803.

¹⁴ Дм. Фурманов. Собр. соч. в четырех томах, т. 4, стр. 247.

¹⁵ Там же, стр. 250.

¹⁶ Подробнее см. в названной выше статье П. В. Куприяновского «Дм. Фурманов и театр».

¹⁷ Об этом свидетельствует письмо засл. арт. РСФСР А. А. Зиновьевой автору настоящей статьи от 23 февраля 1962 г. А. А. Зиновьева в то время училась в студии политотдела 9-й армии и была близка к семье Фурмановых.

¹⁸ А. Шуцкевер. В 9-й Кубанской армии. — В кн.: Фурманов в воспоминаниях современников. М., «Сов. писатель», 1959, стр. 94—95.

¹⁹ Отд. рукописей ИМЛИ, II.62.1710.

²⁰ «Рабочий край» (Иваново), 1919, № 275, 4 декабря.

²¹ Этот кульминационный эпизод в пьесе, несомненно, имеет реальную основу — бои одной из бригад Чапаевской дивизии за овладение мостом на подступах к Уфе. В этих боях Фурманов участвовал. Позднее они описаны в «Чапаеве» (см. Дм. Фурманов. Собр. соч. в четырех томах, т. I, стр. 270—275).

²² Отд. рукописей ИМЛИ, II.62.1573.

²³ Рукописн. отд. Гос. б-ки СССР им. В. И. Ленина, ф. 320, п. 1, ед. хр. 9 (запись от 10 июня 1919 г.).

²⁴ Отд. рукописей ИМЛИ, II.62.1573 (запись от 29 сентября 1919 г.).

²⁵ Рукописн. отд. Гос. б-ки СССР им. В. И. Ленина, ф. 320, п. 1, ед. хр. 9 (запись от 12 июня 1919 г.).

²⁶ Дм. Фурманов. Собр. соч., т. IV, «За коммунизм», изд. 3. М.—Л., Госиздат, 1929, стр. 76.

²⁷ Под Северском писатель, несомненно, подразумевал Иваново-Вознесенск, оценку которого, сходную с оценкой Северска в пьесе, Фурманов дал в статье «Слава черному городу» («Известия», 1 декабря 1920 г.).

²⁸ Отд. рукописей ИМЛИ, II.62.1924; см. также II.62.1954.

²⁹ История советского театра, т. 1. М.—Л., 1933, стр. 228.

³⁰ Дм. Фурманов. Собр. соч. в четырех томах, т. 1, стр. 301.

³¹ Характеристику этих пьес см. в обстоятельной монографии Л. Тамашина «Советская драматургия в годы гражданской войны» (М., «Искусство», 1961, стр. 211—218).

ЗА КОММУНИЗМ

(драма в трех действиях)

ПОСВЯЩЕНИЕ

Свой первый литературный труд посвящаю любимой жене, Нае, моей вдохновительнице и неизменной спутнице в испытаниях боевой жизни.

Д.м. Фурманов

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

1. Дубровин Игорь Павлович, военный комиссар полка, 26 лет, среднего роста. Лицо открытое, мужественное, смуглое; носит волосы. Одет по-солдатски, просто; сбоку револьвер. Походка твердая.
2. Вера Михайловна, его жена, председатель культпросвета, 22 лет. Лицо одухотворенное. Самостоятельна. Нежна.
3. Марфа, санитарка, 33 лет, землячка Дубровина. Коммунистка с 1908 г., текстильщица. Приятное рябоватое лицо. Волосы острижены. Держится просто, уверенно. Говорит твердо.
4. Купря, вестовой Дубровина.
5. Храмов Петр Петрович, командир полка, 32 лет; крупная сутулая фигура; стрижется наголо. Выражение лица всегда несколько озабоченное.
6. Аленушка, его жена, 23 лет.
7. Слепцов Иннокентий Григорьевич, химик, 29 лет, носит пенсне.
8. Кудрявцева, его невеста, учительница, 22 лет, пикантна, круглолица, модна.
9. Маремьяна Ивановна, хозяйка квартиры, 54 лет.
10. Телефонист.
11. Красноармейцы.

I ДЕЙСТВИЕ

Светлый день. 4 часа пополудни.

Большая комната, где живет Дубровин. Прямо — дверь в прихожую, выходящую на улицу. Справа — дверь к хозяйке, где в двух смежных комнатах живут Храмов и Слепцов. На дверях портьеры. В левом дальнем углу шкаф, от которого к двери — кровать, а к авансцене — письменный стол Дубровина, на котором стоят два телефона — полевой и городской, бумаги и пр. Справа, к авансцене — диван, кресла и стулья вокруг стола. Над диваном картина, на окнах цветы, икон нет.

Действие происходит летом 1919 г. в захолустном городке Уфимской губернии. Сюда пришел на отдых Советский * Красный полк, закаленный и пострадавший в боях. Мы начинаем побеждать, оживлены, но враг все еще жестоко сопротивляется.

Купря (*дописывает письмо, бросает его, запечатав, на стол и, напевая «Умер бедняга», выходит в прихожую, откуда возвращается с ремнем, шилом и ипагатом, усаживаясь работать у самой двери и припевая*).

Смерти не бойсь, целься верней!
Бьемся за счастье Коммуны
Всех угнетенных рабов.
Раз! Два! Смерти не бойсь, целься верней!
Красное знамя над нами,
Смелою ратью вперед!

(Последние две строки куплета пересвистывает.)

* В первой редакции: 127-й Сов(етский) полк

Х о з я й к а (*входя и убирая комнату*). Свистишь?

К у п р я. Работаю.

Х о з я й к а. Вижу, ковыряешься... Только ты больно, братец, не у места приноровился: шел бы на двор со своими ремнями.

К у п р я. Ишь ты, какая гладкая.

Х о з я й к а. А то чего: весь дом захламили, словно в стойле у коровы.

К у п р я. Ты это о ком?

Х о з я й к а. Вот тебе и о ком: все вы одинакие, безбожники.

К у п р я. Ну, а бог-то при чем тут, Маремьяна Ивановна?

Х о з я й к а. При чем для вас бог, — известно не при чем. Как звери живете: ни образа, ни молитвы.

К у п р я. А зачем ты иконы-то отсюда убрала — пушай висят.

Х о з я й к а. Уберешь, когда в лампадку закуривать стали. Вам что иконы, что спичечная коробка.

К у п р я. Одинаково.

Гудит полевой телефон.

Х о з я й к а. Вон, завывала — ступай.

К у п р я (*взяв трубку*). Квартира Дубровина слушает... Да, я. Нет, куда-то ушла. Подождать? Скажу. (*Кладет трубку*.)

Х о з я й к а. Про сударку, поди, справляется? Эх, давно не видал, скука-то одолела. Придет что ли скоро?

К у п р я. Скоро.

Х о з я й к а. Не говорил — обедать станет ли?

К у п р я. Ничего не говорил, наверно в полку обедал.

Х о з я й к а. А она, надо быть, на базар пошла с полковницей-то? Вся в мужа, такая же. Он ее где подобрал?

К у п р я. В Москве.

Х о з я й к а. Давно что ли обженились?

К у п р я. Четвертый год пошел.

Х о з я й к а. Рассказывал мой-то химик, девчонкой ее знал: вертлявая, говорит, была, плясать любила. А теперь тоже вон, не подступайся.

С л е п ц о в (*показываясь в дверях, к Купре*). Веры Михайловны нет?

К у п р я. Невидно.

С л е п ц о в. Не знаешь, скоро ли придет?

К у п р я. Этого не знаю. (*Лукаво*.) А вот Игорь Павлыч скоро придет.

С л е п ц о в (*уходя*). Об этом тебя не спрашивают.

К у п р я. То-то, не понравилось? Не на такую, брат, напал — ничего тебе не отломится.

Х о з я й к а. Про что это говоришь?

К у п р я. А вот все про жильца твоего. Ишь, вьется будто глиста. Не люблю такой народ, слова с ним путем не скажешь: надвинет к носу свое «песне» и смотрит на тебя, как на букашку...

Х о з я й к а. А ты чего не знаешь — молчи. Эку невидаль нашел. (*Тише*.) С учительницей, надо быть, свадьба скоро.

К у п р я. Это что курносая-то бегаёт?

Х о з я й к а (*обидевшись*). Мели, Емеля, — твоя неделя.

Входят Вера и Алена Дмитриевна.

В е р а (*продолжая ранее начатый разговор и обращаясь к Аленушке*). Нет, не кончила. Я пробыла в Москве всего один год. (*Обращаясь к Купре*.) Да, вот что, Купря, Игорь Павлыч говорил, чтобы вы сводили «Пуришкевича» перековать: он что-то на левую переднюю хромает.

К у п р я. Ладно. А вам он наказывал, чтобы подождать, скоро придет.

В е р а. Да-да, я останусь дома.

Купря уходит.

Посвящение

Свой первый литературный
труд посвящаю любимой жене
и киевской студентке
в испытаниях своей жизни.

Аврам

Посвящение

Свой первый литературный
труд посвящаю любимой жене
Нас, моей вдохновительнице
и киевской студентке
в испытаниях своей жизни!

Д. А. Фурманов

АВТОГРАФ ПЬЕСЫ Д. А. ФУРМАНОВА «ЗА КОММУНИЗМ». ЛИСТ С ПОСВЯЩЕНИЕМ
А. Н. ФУРМАНОВОЙ. 1921 г.

Институт мировой литературы им. А. М. Горького, Москва

В е р а (продолжает). На чем я остановилась? Ах, да: в Москве я пробыла всего только год. Познакомилась там с Игорем, ну... Только его вдруг арестовали. Это ведь, Аленушка, было в конце 15-го; помните, как тогда надрывалась полиция, чуя беду?

А л е н у ш к а. Слушаю я вас, Вера Михайловна, и завидно становится: зачем же вот я-то уродилась такая маленькая и почему я не могу жить красиво, как вы? А у вас — и самое горе, наверно, красивым бывает. Но главное, что вам никогда не скучно, вот что. Редко ведь это случается, чтобы человек не скучал — а вы такая счастливица, что не скучаете.

В е р а. Как не скучаю?

А л е н у ш к а. Да, конечно. И все-то у вас выходит гладко да ладно. И всем-то на вас любо смотреть, словно человек вы какой-то особенный.

И зависть меня берет, Вера Михайловна, и рада я, что есть такие женщины, которые не в тягость, а в радость идут по земле...

В е р а (*повторяет*). В радость идут по земле... Как это хорошо!

А л е н у ш к а. Да. Только вы одиночки, а мы все остальные тычемся в стороны, словно слепые щенки: ничего не знаем, ничего не видим. Так отчего же это по-разному людская-то жизнь складывается?

В е р а. Загадку и я вам не разгадаю, Аленушка. Только не думайте, что все мое счастье задалось от ученья. Нет, ученье нам правду тогда не раскрывало. Теперь, конечно, ученье будет иное, и теперь я хотела бы поучиться, тогда — тогда мы правду жизни узнавали только случайно, тайком, уходя далеко за школьные стены.

А л е н у ш к а. Верно, верно: стороной... А мы даже и не стороной: сами на себе ее испытывали.

В е р а. Да, вам тяжелее жилось, чем мне; такой нужды, как вы, я в детстве все-таки не видала.

А л е н у ш к а. И не дай бог никому ее видеть. Только подумайте — ведь семь человек ребят было, кроме меня, и все мал-мала меньше, вот адские все клопы. (*Показывает.*) Больная мать, бывало, до ночи возится с хозяйством, а с ночи до утра — со своими болезнями. Отец на литейном зарабатывал гроши, да и те наполовину пропивал с тоски... А, впрочем, семья наша не была исключением: в подвалах корниловских домов ютились тогда целые сотни и тысячи таких же горемык. Потом я ушла в прислуги и там со мной вышла эта история... Ведь из нас, служивых девушек, редко кто выстаивал против барской похоти.

В е р а. А с Петром Петровичем вы разве не девушкой сошлись?

А л е н у ш к а. Где же девушкой — я с 15 лет не девушка.

В е р а. Он знал это?

А л е н у ш к а. Знал. Я сказала.

В е р а. Ну?

А л е н у ш к а. Так что же ему оставалось делать, не судиться с господами-то. Стиснул зубы, сверкнул глазами, да на том и миновало все.

В е р а. А не корил потом?

А л е н у ш к а. Как же: первые месяцы, когда меня еще не распознал и когда на сердце кипело, — сколько раз обзывал нехорошими именами!

В е р а (*нежно*). Ну, а потом — увидел, что вы ангел, и перестал?

А л е н у ш к а. Перестал, когда увидел, что я не бранюсь, а только заплачу, да ласкаться стану.

В е р а. Экая вы милая, Аленушка, да разве вас может кто-нибудь не любить? (*Тихо.*) Теперь бы вам ребеночка...

А л е н у ш к а. Да, ребеночка я очень хочу, но доктора сказали что если Петр Петрович не будет лечиться от какой-то старой болезни, детей совсем не будет, никогда не будет. Его ведь дело чернорабочее: кузнецом был. Из ихнего брата кто же не болеет какой-нибудь хворью? А у вас, Вера Михайловна, нет, не было ребеночка-то?

В е р а. Был, был, Аленушка. Такой был младенец — не нацелуешь-ся. Яночкой мы его назвали. На первом еще году родился в Москве — там же и похоронила. Здоровый был, все смеялся, ручонками, ножонками болтал, отца уже стал узнавать: так весь, бывало, и просияет, как он подойдет. А уж Игорь-то, Игорь его как любил! Даже прослезился у гроба — вот до чего. Яночка заболел скарлатиной, похворал-похворал и умер. Легче совсем не иметь ребенка, чем подрастить его да потерять. Я чуть с ума не сошла тогда от горя, Аленушка. В постели вылежала две недели, извелась...

А л е н у ш к а. Да, это должно быть тяжело.

С л е п ц о в (*за дверью*). Можно войти?

В е р а. Можно, входите.

Слепцов входит и здоровается.

А мы с Аленой Дмитриевной все про жите-бытие толкуем. Перебираем старое, вспоминаем забытое.

С л е п ц о в. И Москву вспоминали?

В е р а. Да, всё зацепили — и Москву.

С л е п ц о в. Ну и что же у вас от нее хорошего осталось? Много? Москву я сам люблю вспоминать — да всё с вами, царицей Воробьевых гор.

В е р а. Я вас, Иннокентий Григорьевич, тоже хорошо помню по Москве. Вы тогда еще были совершенно безусым кавалером — смешной, застенчивый такой. Всё, бывало, дуетесь на обе щеки, пытаетесь представить и взрослого и серьезного человека — а потом вдруг и прорветесь каким-нибудь ребячеством... Помните?

С л е п ц о в. Как не помнить — помню.

А л е н у ш к а *(вставая)*. Я пойду.

В е р а. Ну-ну... А вот чаевничать будем — я вас крикну. Уж, наверно скоро придут...

Аленушка уходит в боковую дверь.

С л е п ц о в. Мне кажется, Вера Михайловна, что я изменился все-таки меньше, чем вы, — в смысле взглядов и убеждений. Вы просто неузнаваемы. Когда я вспоминаю вас, такую легкую и воздушную, какую порхали тогда вы с нами по Воробьевым горам, и когда вижу вас в настоящее время — это просто две совершенно различные женщины... И я даже не понимаю, как возможны вообще такие странные перемены.

В е р а *(шутя)*. Что же вы за химик, коли не знаете: тут, вероятно, тоже какое-нибудь соединение произошло?

С л е п ц о в. Нет, Вера Михайловна, этот род соединений нам не подведомствен. Я и в себе никак не могу уловить таинственного сцепления между моими прежними и новыми отношениями к вам. Вы не дитя малое и отлично видите, что за эти три недели, пока мы живем под одною кровлей, я неизменно преследую вас своим вниманием. Я раздражаюсь вашим спокойствием, я все время чем-то недоволен, чего-то хочу, чего-то ищущу...

В е р а. Ищу... Хочу... *(Потом серьезно.)* В прятки играть, разумеется, не к чему, Иннокентий Григорьевич, ваши отношения к себе я вижу и понимаю, но... но ведь странно... Не нужно все это. Мало ли что было когда-то в Москве, вы сами говорите, что я была тогда иным человеком: а у иного человека иная была и жизнь. Поставьте крест на Москве и вспоминайте о наших ранних увлечениях, как о первых весенних цветочках...

С л е п ц о в *(опустив голову)*. Другого вы ничего и не можете сказать — это верно... Что вам в самом деле до моего состояния? Вы теперь сидите вот здесь, как сидела когда-то в Питере с Онегиным обновленная Татьяна Ларина, — только у нее было нечто иное по отношению к Евгению, чем у вас ко мне...

В е р а. Ну, зачем вы это всё говорите, Иннокентий Григорьевич? Да у вас и невеста есть к тому же... Вы...

С л е п ц о в *(перебивая и скучно)*. Да, есть и невеста... но за эти вот три недели у меня спутались все карты, и я не найду теперь ни начал, ни концов. Прошло уже пять дней, как я получил отпуск, надо бы ехать давно, а я всё здесь — почему не знаю и сам. А когда вы станете сниматься с полком... — мне тяжело даже подумать про этот час. Не смешно ли — взрослый человек, а веду я себя, как мальчишка... Эх, Вера Михайловна!

В е р а. Я не нахожусь даже, что вам сказать. Мое отношение к Игорю Павловичу вам хорошо известно, и мне думается, что это вам указывает на единственный выход: уйти — и совершенно не видеться со мной.

С л е п ц о в. Да, говорить об этом легко, но не так-то легко это сделать.

Х о з я й к а (*показываясь в дверях и глядя на Слепцова*). Лидия Петровна пришла, у вас сидит в комнате.

С л е п ц о в (*сделав гримасу и подымаясь*). Иду. Начали ни с чего и кончили ничем. Ну, прощайте пока, Вера Михайловна. (*Идет.*)

В е р а. Чай пить будем — позову и вас; чего тут прощаться-то: вместе оба и приходите.

С л е п ц о в. Насмехаетесь?

В е р а. Нисколько, в самом деле оба приходите...

С л е п ц о в. Ну, ладно, ладно, я пошутил. (*Уходит.*) Я знаю, что вы не насмешница.

В е р а (*к хозяйке*). Ставьте-ка самовар, Маремьяна Ивановна. Да вот возьмите эту корзиночку, что-нибудь нам выйдет закусить.

Х о з я й к а. Где брали, в лавке али на базаре?

В е р а. В лавке, на базаре уж поздно.

Х о з я й к а. Поди, все гнилое?

В е р а. Да продавали за свежее, не знаю.

Х о з я й к а (*взяв корзинку и уходя*). Ну, видно, приехали.

Слышен топот ног.

Входят Игорь и Петр Петрович.

И г о р ь. Здорово, хозяйева, принимай гостей.

В е р а. Добро пожаловать, гости любезные.

Петр Петрович, взяв под козырек, проходит к себе через дверь, куда ушел и Слепцов.

И г о р ь. Чайку, чайку, Вера.

В е р а. Шипит, скоро готов будет. (*Берет у него из рук фуражку, обнимает за талию, прижимается и смотрит Игорю в лицо.*) Умаялся, мое солнышко?

И г о р ь. Нет, чего же особенно умаяться, только езды уж очень много. Зато хозяйство создадим, Веруша, на славу! Сегодня одних повозок разыскали до сорока штук. Ну не мерзавцы ли: стоят повозки почти целый год, стоят нечиненные, а и полом-то дрянной, за день сами всё исправим. Уж я крыл их, крыл, под мать пресвятую богородицу даже разделал... Да... Ну, известно, протокол составили... И сколько их, этих протоколов, на меня по градам и весям раскидано, только вот беда: судиться некогда, всё в походах, а то, думаю, в общей сложности набралось бы тюрьмы лет на двести. (*Ходят обнявшись по комнате.*)

В е р а. Ну, еще что?

И г о р ь. Побывали во всех безотделах и разотделах, в каждом получили свою лепту. Да, обрадую и тебя: достали подвижную сцену и черного сукна.

В е р а. Да неужели?

И г о р ь. Даю присягу.

В е р а. Bravo, bravo. (*Треплет и тормошит от радости Игоря.*)

И г о р ь. Ну, запрыгала, коза ангорская.

В е р а. Как же не прыгать, ведь сцена своя будет, военком ты мой милый.

И г о р ь. Главное дело, хорошо, что транспорт наладим — этому вот я рад.

В е р а. У всякой крали свои печали: тебе транспорт с фуражом, а мне сцена да книги.

И г о р ь. На-ка, чуть не забыл. *(Подает ей требование.)* Партийный комитет дает пуда три революционных брошюр.

В е р а. Ты, видно, взялся меня удивлять и радовать. У... у. *(Сжимает его в объятиях.)* Как я люблю тебя за эти заботы.

Стучат в дверь.

Войдите.

К у п р я *(войдя)*. Пуришкевича-то я перековал; гвоздь у него под копыто зашел.

И г о р ь. Отлично, брат.

К у п р я *(показывая на стол)*. Игорь Павлыч, пропишите...

И г о р ь *(смотря на стол)*. Что?

К у п р я. А письмецо... Я вам его положил для адресу, мой-то не на всякой почте разбирают.

И г о р ь *(берет конверт и пишет)*. Идет... На Сосновку?

К у п р я. На нее... Да, еще вы бы мне, Игорь Павлыч, анкету заполнили, три дня таскаю в кармане, а что туда написать — не знаю.

И г о р ь. И на это согласен, давай всё под удар. Значит, переводят в действительные, насочувствовался?

К у п р я. Да, сроком вышло.

Вера встает, берет журнал и, опустившись в другое кресло, читает.

И г о р ь *(берет анкету от Купри и пишет, повторяя про себя)*. Имя... Яков... Отчество... Иванович... Фамилия... Куприянов. Сколько лет? ...Двадцать восемь... Чем занимается?... Красноармеец, вестовой военкома полка. Каким недвижимым и движимым имуществом обладает? Ну, Купря, тут вот загвоздка, про твоё имущество знаю мало.

К у п р я *(смеется)*. Какое имущество: на спине заплата, навоз да лопата! Известно наше крестьянское дело: пашем и всё.

И г о р ь. Нет, ты все-таки, брат, поточнее: дом, например, есть?

К у п р я. А то нет? Не на дворе жить-то будешь. Да разве этакую избенку домом можно назвать? Вот у дяди Якова так дом: два этажа, с мизанином, окна раскрашенные, двери...

И г о р ь. Те-те-те, дружище, мы ведь не про дядю Якова пишем. Ну, значит, изба есть. *(Пишет.)* Земли много?

К у п р я. Откуда ее много-то, там нас напичкали, как селедок в бочку. Нешто теперь вот господскую-то отняли, так полечало. <А то у меня одно тягло>* как хочешь, так и живи.

И г о р ь. В десятинах-то сколько же?

К у п р я. Возле трех...

И г о р ь *(пишет)*. Скотины сколько?

К у п р я. Лошаденка есть гнедая, вот что у меня в письме-то вы читали, ну, только мать всё собиралась продать, жить, говорит, совсем нечем... Она ведь одна там осталась, убирать землю некому, а цены всему знаете какие! Ладно еще коли соседи помогут, а одна-то она старуха...

И г о р ь *(перебивая)*. Лошадь все-таки пометим, может, и не продала?..

К у п р я. Пишите... Еще корову запишите.

И г о р ь *(вслух записывает)*. Ко-ро-ва одна.

К у п р я. А что по дому — я уж не помню, там ухваты, горшки.

И г о р ь. Этого не надо писать.

К у п р я. Я тоже полагаю, что не надо.

* Восстановлено по тексту первой редакции.

Игорь. Следующий вопрос: состоял ли в других партиях, если состоял, то в каких? Ну, сознавайся, Купря: был в Союзе русского народа или нет?

Купря. Не... Какой союз. Вон у дяди Якова так там действительно и досель на погребке патрет главара имеется, а фамилия у патрета, как ваша: Дубровин. Дядя-то Яков состоял, это уж я доподлинно знаю, ему даже медаль прислали.

Игорь. Ну и гусь у тебя, знать, дядя-то Яков.

Купря. Гу...усь, на всю деревню гусь, только теперь ему хребтину-то, говорят, здорово обтесывают: кряхтит.

Игорь. Пострадал ли в революционном движении? Никогда не арестовывали?

Купря. Было, да только какая тут революция?

Игорь. Что, по пьянке?

Купря. Известно... *(Смеется.)*

Игорь. Ну, дальше тут спрашивается: чем занимался до революции и в разные периоды революции? Так и запишем, — крестьянством.

Купря *(утвердительно)*. Крестьянством.

Игорь *(про себя)*. Какова партийная работа с 905 по 917 год, во время Октябрьского переворота и после? Тут ничего. *(Прочеркивает.)* Что побуждает вступить в партию? Спрашивают, почему в партию записываешься.

Купря. Как почему? В партии-то дружнее будет.

Игорь. Правильно, так и запишем. *(Пишет.)* Последний вопрос: удовлетворяет ли вас настоящая работа и какую считаете для себя наиболее подходящей?

Купря. Про што тут?

Игорь. Доволен ли своей работой?

Купря. Доволен — не доволен, а надо.

Игорь. Значит красноармейцем?

Купря. Ясное дело.

Игорь. На-ка подмахни фамилию. *(Купря пишет.)* Вот и письмо держи. *(Передает письмо.)* Ну, всё?

Купря. Всё.

Игорь. Сходи, брат, поторопи пожалуйста с самоваром-то. *(Купря уходит. Обращаясь к Вере.)* Вот в одной анкете отразилась вся история его несложной жизни: убожество, тоска, монотонность. Уж поистине, кроме цепей, ему нечего терять. Вступает в партию и ничего-то он путем не знает и не понимает... А ведь чувствует нутром, где правда, и будь покойна, выйдет прекрасным коммунистом! В партии, говорит, дружнее. Эх, Купря, Купря, символическая ты личность!

Хозяйка вносит самовар, Вера встает и накрывает на стол.

Вера. Купря личность примечательная.

Хозяйка. Угли что ли сырые: пищит-пищит, а толку нет.

Игорь *(к хозяйке)*. Угольки подкачали?

Хозяйка. Сырые, анафемы.

Игорь. Так... *(Направляясь к запертой двери и стуча.)* Эй, друзья, вылезай чай пить.

Оттуда слышится глухо женский голос: «Сейчас, пейте». Хозяйка, обтерев самовар и сдунув золу, уходит.

Вера *(Игору)*. А я тебе и не сказала: ведь сегодня Иннокентий Григорьевич чуть мне в любви не признался.

Игорь. Фю-фю. *(Свистит.)* Вот оно что, ну а ты — тоже?

Вера *(смеясь)*. Разумеется... Завтра беру развод.

Игорь. Тэкс-тэкс. По этому случаю тащи его чай пить.

Вера. Опоздал, брат, со своим приглашением, я уж пригласила раньше тебя. *(Подходит, берет за подбородок и смеясь вкрадчивым тоном.)*

А ты не ревнуешь, Отелло?

Игорь. Это тебя-то?

Вера. Да.

Игорь. Это за любовь-то?

Вера. Да.

Игорь. Это к алхимику-то?

Вера. Да ну тебя... *(Шутливо обижаясь.)*

Игорь *(схватывает ее и кружит)*. Эх ты, каракатица заморская... Ну, поди, зови скорей своего влюбленныша!

Вера *(смеясь)*. А ты не ревнуешь?

Игорь *(ведет ее за плечи)*. Поди, поди.

Вера *(через плечо)*. Он ведь с невестой.

Игорь. Тащи обоих.

Вера уходит.

Вот как, влюблен? Ай да пи эр квадрат! Оказывается уж не такой-то сухой ты человек, как представляешься! *(Входит Марфа.)* А... премногоуважаемая Марфа-посадница!..

Марфа. Здравствуй, Игорь Павлыч. Пришла проведать. А Вера Михайловна где?

Игорь. Сейчас придет. Как раз к чаю.

Марфа. Что ж, порядочные люди от чаю никогда не отказываются. *(Садится к столу, позже разливает всем чай.)*

Игорь. Что поделываешь, Марфа Яковлевна?

Марфа. В поход собираюсь, разным добром запасаясь. Этот отдых нам всегда хуже работы достается.

Игорь. Да, отдых плохой, мы с Петром Петровичем тоже носимся весь день как угорелые.

Марфа. Насчет походу ничего не слышно?

Игорь. Пока ничего, но чувствует мое сердце, что после отдыха нас зарядят в здоровеннейшую перепалку.

Марфа. Лиха беда первый шаг сотворить, а там, как пойдешь, — сам чёрт не брат.

Игорь. Вестей с родины не получала?

Марфа. Нет, из третьего батальона Евсеев получил, говорит, все такая же беда, что и прежде. Фабрики остановились, рабочим выдают семьдесят пять процентов. Голодуха: за два последние месяца получили всего по четыре фунта, и то мука не мука, отруби не отруби — мусор какой-то. Картофельную шелуху едят. А на базаре мука дошла до тринадцати тысяч, подступу нет никакого. Многие от голоду разъехались; пустеет, Игорь Павлыч, пустеет наше чёрное гнездо. Только голод-то голодом — а новые полки знай себе посылают... Ничего... Да ведь какие полки...

Игорь. Эх, красный север: орлы — не люди!

Марфа. А в Уфе получили оттуда целый сверток газет. Вся жизнь, как на ладошке. Бахмутов с Костиным все так же читают лекции, в театре будят митингами, пооткрывали прикутов на всех окраинах... Женщин втянули в работу: при комитете партии организовали специальный отдел пропаганды среди женщин... Кипит...

Игорь. Кипит... Душа радуется... Как подумаешь — да неужели в таком котле не переплавим мы мечи на плуги и молоты? Быть того не может...

Входят Петр Петрович и Аленушка.

Игорь (*обращаясь к Петру Петровичу*). Не правда ли, дружина, добьем Колчака с Деникиным, а?

Петр Петрович. Ясное дело, добьем.

Марфа (*к Игорю*). А как полагаешь, теперь Колчак предпримет что-нибудь, отдавши Уфу?

Игорь. Главные силы у него еще безусловно не уничтожены; вероятно, где-нибудь заготовит кулак и попытается ударить сам. Только уж не оправиться ему.

Петр Петрович. Да... У Деникина — там вот опаснее.

Игорь. И там справимся, не горюй!

Петр Петрович. Добре бы, чего горевать?

Игорь (*к Марфе*). Ну-ка, Марфа Яковлевна, наливай покрепче!

Марфа наливает всем и подает через стол. Входят Купря и Вера, оба с тарелками, где нарезано мясо, картошка, огурцы, свекла, хлеб. За ними идут Слепцов и Кудрявцева, Слепцов сзади нее, несколько сконфужен. За столом шевеление. Здороваются.

Игорь. Садитесь, товарищи. (*Пододвигают стулья, рассаживаются. К Слепцову.*) Вы нас застали на самом злободневном вопросе: Колчак — Деникин, Деникин — Колчак.

Слепцов. Я помешал?

Игорь. В чем это? Мы просто сидели — толковали.

Слепцов. А... а... а...

Игорь. А ведь дивное дело, товарищи: кажется, уж со всех сторон приперли нас здорово, а ничего — крепимся. Да не только крепимся: побеждаем. И победим, непременно победим!

Слепцов. Не просчитайтесь, товарищ Дубровин. Очень уж все вы народ-то самонадеянный: склонны желаемое принимать за осуществленное. Вы мои взгляды, конечно, знаете.

Игорь (*качая головой*). Знаю, знаю.

Слепцов. Я тоже признаю социализм, и цели у нас с вами не расходятся...

Игорь. Ну, это...

Слепцов. Позвольте, позвольте... (*Делает рукой.*) Не перебивайте... Я говорю только про цели... Наша цель с вами общая: освобождение народа.

Игорь ерошит волосы и выражением лица выражает несогласие.

Слепцов. Какими путями — это вопрос другой, но мы, разрушая старый мир, идем к миру новому: и мы и вы... Но побед, которые вам достаются теперь ценою кровавых потерь, вы могли бы добиться иными путями и без тысячных жертв.

Марфа нервничает, Вера иронически улыбается.

Игорь. Ну-ка, ну, что это у вас за секретные способы?

Слепцов. Не секретные... Народ был должен выступить на борьбу со злом старого строя как единое целое. Вы его раскололи на части, разожгли среди кучек и групп непримиримую ненависть и злобу... Что теперь представляет собой Россия? Где ее мощь, не разрывается ли она на части своими внутренними противоречиями?

Игорь. Это не вражда кучек и групп, товарищ Слепцов, это классовая борьба.

Марфа (*подхватывает*). В которой борются только две силы: угнетенных и угнетателей. Третьей нет, запомните! И нечего прятаться вам за свою беспартийность: говорите прямо — направо или налево, а што тут брехню-то разводить...

Действующие лица:

1. Пудровик, Игорь Павлович, военный комиссар полка, 26 лет, среднего роста. Лицо открытое, мужественное, смуглое; носит волосы. Одежда солдатская ^{простая}; в руках револьвер. Походка уверенная.
2. Вера Михайловна, его жена, председатель комитета, 25 лет. Лицо одухотворенное. ~~Одежда~~ ^{Самостоятельна}. Незнака.
3. Марфа, санитарка, 33 лет, жена Пудровика. Коммунистка с 1908 г., текстильщица. Прищипанное, рябоватое лицо. Волосы острижены. Фирма просто, уверенно. Говорит твердо.
4. Купря, вестовой Пудровика.
5. Гришков Пётр Петрович, командир полка, 35 лет; крупный, сутулый фигура; стрижет наголо. Выражение лица всегда несколько озабоченное.
6. Аленушка, его жена, 23 лет.
7. Сетухов Илья Ильич Григорьевич, химик, 29 лет, жена Пудровика.
8. Марьяна Ивановна, хозяйка квартиры, 54 лет.
9. Кудрявцева ^{невеста} ^{чиновница} 22 лет, ^{капитан} ^{крупная} ^{модная}.
10. Мелеранс.
11. Красноармеец.

АВТОГРАФ ПЬЕСЫ Д. А. ФУРМАНОВА «ЗА КОММУНИЗМ».

СПИСОК ДЕЙСТВУЮЩИХ ЛИЦ, 1921 г.

Институт мировой литературы им. А. М. Горького, Москва

Игорь (к Марфе). Марфа, Марфа, так спорить нельзя... Будь пожалуйста сдержанней...

Марфа (стукнув по столу). Нечего тут сдерживаться, Игорь Павлыч... Надо мужество иметь, мужество! Нельзя держать себя слизняком в такие великие дни да еще выдавать свое слизничество (передразнивает) за какой-то героизм, какое-то мученичество. Социализм, социализм!.. Я тоже за социализм! Эх вы, галантерея!..

Игорь. Марфа, пламенная женщина, успокойся!

Вера (стоя сзади Марфы и кладя ей руки на плечи). Правильно...

Слепцов (Вере). Это что — шутка?

Вера. Как хотите понимайте.

Слепцов. Накричать не диво, надо доказать.

Марфа (Слепцову). Так докажите, докажите, что вы боретесь за рабочих, а не против них.

С л е п ц о в. Извините, но я даже самую постановку вопроса считаю совершенно глупой: ни за рабочих, ни за капиталистов — я борюсь только за свободу...

М а р ф а. У... у... болтуны.

К у д р я в ц е в а. И потом эти жертвы...

М а р ф а. Что жертвы?..

К у д р я в ц е в а. Расстрелы, чрезвычайки. (*Морщится.*)

М а р ф а. Ну а то как же? Ждать будем что ли, когда нас всех расплющат?

П е т р П е т р о в и ч. В боях без жертв не бывает. Вы отчего говорите про большие-то жертвы? Только оттого, что они у всех на виду — гибнут разом. Так уж лучше разом, чем сотни лет... Не меньше их было и прежде, жертв-то. Разве мало нас гибло по заводам, — ясно, что немало. Только это не было заметно: мы чахли прежде времени, да про это не знал никто, не видал...

С л е п ц о в. Ваши излияния ничуть не убедительны.

П е т р П е т р о в и ч. Излияния... хотел бы я вам сказать за это крепкое словцо, ну да уж ладно... Не понимали вы и не поймете никогда ничего в нашей жизни... Излияния... Эх вы, химики...

С л е п ц о в (*неловко улыбаясь*). Вот чудак: словно быть химиком позорно.

П е т р П е т р о в и ч. Не позорно, а почетно... Позорно совсем другое: когда, кроме своих стеклянок да порошков химических, не знаешь ни жизни человеческой, ни нужды, ничего не знаешь и делаешься сам каким-то глупым пустым пузырьком. Вот что скверно.

С л е п ц о в. Насчет пузырька оставьте... Вы меня слишком еще мало знаете... За последнее время, наоборот, я довольно серьезно думаю о том, чтобы перейти работать в Красную Армию.

М а р ф а. Не из-за пайка ли?

И г о р ь (*к Марфе*). Перестань, ну что, право.

Кудрявцева после последних слов Слепцова вскидывает на него изумленный взор.

К у д р я в ц е в а. Ты не шутишь, Иннокентий?

С л е п ц о в. Нисколько.

К у д р я в ц е в а. Так как же это ты — сразу так вот и надумал?

С л е п ц о в. Не сразу, давно уж думаю. Я даже думаю, что вместе: ты учительницей, а я...

В е р а (*к Кудрявцевой*). Верно, верно: вы, товарищ Кудрявцева, будете у нас отличной учительницей.

К у д р я в ц е в а. Нет, очень признательна.

В е р а. Отчего? Мы скоро открываем борьбу с неграмотностью, нам так нужны культурные силы...

К у д р я в ц е в а. Хватит и без нас... Женщине не место в Красной Армии. Я думаю, что она и сама там портится да и портит других.

М а р ф а. Женщина женщине рознь. Тухлые, видно, еще больше портятся везде, а вы вот спросите наших красноармейцев про полковых женщин, да и послушайте, что они вам скажут... Было и у нас первоначально три паршивых овцы — живо выбросили, сами же женщины выбросили... Идите, просвещайте, очищайте, если вы хорошая женщина. Только пищика у вас не хватит.

К у д р я в ц е в а. Что у вас за тон и что за странная манера обращаться?

В е р а и И г о р ь (*к Марфе*). Марфа, Марфа, перестань, знай меру.

В е р а (*к Кудрявцевой*). Ну, ничего, ничего, она вас совсем не хотела обидеть... Пустяки... Вот берите, пожалуйста, закусывайте... Товарищи, чего же вы не пьете чай и не едите ничего. Марфа, ну-ка, вместо речей — займись чайным делом!

Игорь. Правильно, Вера, правильно. Давай-ка гитару. Шопена, что ли, разведу!

Вера дает гитару.

Игорь (*настраивая*). А что споем?

Купря. За власть Советов...

Игорь. Идет... Подвигайся, Купря.

Купря встает подле Игоря и все время с жаром подпевает.

Игорь запевает, все подхватывают.

Смело мы в бой пойдем

За власть Советов

И как один умрем

В борьбе за это...

На третьем куплете влетает курьер.

Курьер. Командир полка здесь?

Храмов. Я командир полка.

Курьер. Вам пакет. (*Вручает.*) Распишитесь. (*Получив конверт, уходит.*)

Храмов и Игорь отходят на авансцену. Вера смотрит на них в упор. Все ждут.

Игорь (*Храмову*). Боевой приказ?

Храмов. Да... (*Читают тихо про себя.*)

Игорь (*кончив читать*). Ну, друзья, — на заре в поход. Будет, отдохнули! Что, Вера, на коня?

Вера. На коня!

Игорь (*улыбаясь и дирижируя*). А ну, любимую.

Все громко поют, повышая тон.

В поход!.. В поход, в поход, в поход!..

ЗАНАВЕС

II ДЕЙСТВИЕ

На сцене естественный хребет — вал, идущий диагональю; в этом валу наскоро грубо нарыты окопы; в первом, прижавшись друг к другу, сидят Игорь и Вера; соседний окоп пустой, в третьем спит Купря, дальше — красноармейцы. Три часа ночи, холодно, сумеречно...

Вера. Озяб ты, мой милый воин...

Игорь. Озяб, Вера... Холодно, да и сама-то ты вся дрожишь. На-ко, прижалась, словно к матери... Эх ты, солдат! (*Ласково гладит, смеясь.*)

Вера. Сегодня и ночь какая-то длинная-длинная, насилу-насилу дождался рассвета... Сыро, так все тело насквозь и промокло. Вот ты простудилась, Игорь, — сляжешь опять...

Игорь. Ну что же, лечить будешь: тебе ведь не привыкать меня выхаживать. (*Ласково глядя ей в лицо.*) А сколько раз, мой любимый лейб-врач, ты спасала меня от смерти, а? Не помнишь, забыла? Вылечишь и опять — у тебя ведь есть такое лекарство, какого нет ни у одного врача! Это любовь, любовь твоя... Так, что ли?

Вера. Нет, лучше уж не хворай — пусть забудутся и погибнут мои докторские таланты.

Игорь. Сама-то не простудись скорее меня — шинелишка рыбьим мехом подбита.

Вера. А помнишь, Игорь, у нас была другая такая же ночь?

Игорь. Когда?

Вера. Забыл Александров?

Игорь. Александров? (*Задумчиво.*) Да, да, Александров... помню отлично... А как страшно там было, Вера! Ты сама-то всё хорошо помнишь?

Вера. Ну как же.

Игорь. Я вот сейчас так живо представил себе этот бой, словно участвую в нем снова. Так же вот, как теперь — было осеннее сырое утро... Те же сумерки, та же зловеющая тишина... Эта тишина, Вера, пока к ней не привыкнешь — страшней и мучительней всякого боя. Мы цепями лежали в осоке, на берегу этой широкой реки — как ее звали?

Вера. Не помню.

Игорь. Ни единый шорох не нарушал молчания утра. Можно было подумать, что умерли, уснули все, или и нет тут никого, ни живой души — так было тихо. Помнишь, — разведчики даже донесли о том, что город неприятелем оставлен? Но я не верил этому — они никогда без боя не отдадут такого важного пункта... Как скучно, щемительно скучно было смотреть тогда в низкое, серое небо. Оно словно придавило нас в осоку и хотело вмять во влажную землю... Так же было холодно, как теперь. Я лежал и думал о смерти <перед боем ведь так часто думаешь о смерти>* или вспоминаешь яркие страницы минувшей жизни. Лежал и думал. А ты была тогда в избушке, над рекой — помнишь избушку рыбакова?

Вера. Конечно, помню.

Игорь. Да, тихо, жутко было... Только вода плескалась о стоявшие у берега лодки, заплескивала плоты...

Вера. Ты про начало, про самое начало... Дальше я знаю.

Игорь. А вот по цепи передали приказ... Один другому, другой третьему, тот дальше — все мы узнали роковые слова: выступаем. Поползли, как муравьи, шурша осокой, шумя шинелями... Полезли на мост... и там ничего, и там тишина. О, как страшна эта тишина! Мы знали, что враг в засаде — и все-таки ползли... Миновали полмоста, подходим к берегу, спускаемся... Вот мы уже на земле снова, на том берегу — один за другим, один за другим... строимся в цепь — и ни один чужой шорох не нарушает могильную тишь. Многие верили тогда, что неприятель и в самом деле ушел.

Вера. А как с мостом?

Игорь. Да... вот мы слышали где-то позади себя, словно в волнах реки, змеиное шипенье и страшный хруст... И вдруг — вдруг со страшным грохотом взорвался мост... Полетели в воду с шумом и треском гигантские пролеты... В это время притаившийся неприятель открыл по нам ураганный огонь. Особенно четко и торопливо, я помню, заговорили пулеметы... Так и строчат, так и строчат... Положение было убийственное: взорванный мост отрезал нас от помощи, мы, как обреченные, сбились на берегу... Горячее было дело... Никогда не забудешь!

Вера. Я вот никак не могу себе, Игорь, простить, что уснула тогда в избушке, когда ты пробирался с полком по мосту... И как я заметалась, как стало мне страшно, когда узнала, что тебя нет.

Игорь. Ну зато ты потом наверстала — чуть не на щепке приплыла к нам с первыми пловцами.

Вера. Ну уж, на соломинке...

Игорь (*вспоминая*). Не забудешь никогда... никогда... (*Встряхнувшись.*) Я слышу только мой голос... Как тихо... Ну, что прижалась? Холодно?

* Восстановлено по тексту первой редакции.

В е р а. Нет, но я тоже пронизана вся ледяным дыханием тишины. Видно, только мы с тобой не спим, слышишь, как тихо похрапывают при- тулившиеся по уголкам бойцы?... Спят беспокойно, но спят... их разбу- дит первый же выстрел, и в окопах закипит своеобразная жизнь... А теперь — тихо.

И г о р ь. Да, тихо...

В е р а. Мы с тобой, Игорь, сейчас вот сидим во второй цепи, у нас впереди защита, у нас хорошие окопы. Мы можем долго и успешно обо- роняться — и все-таки — вслушайся: разве это утро, такое сумеречное и хмурое, разве оно не полно ужасов и страхов? Особенно там, в первой цепи. Но почему мы здесь, Игорь?

И г о р ь. А это, Вера, мы с товарищем Храмовым так условились: он с первой цепью, я со второй. Мы думаем устроить демонстрацию: пер- вая цепь в ложной панике побежит на нас, вон туда — поправее... *(Показывает.)* Ее пустится преследовать неприятельская конница, и мы в это время вырвемся из засады.

В е р а. А что эта ложная паника не превратится в настоящую?

И г о р ь. Бывает... на то мы и разделились с товарищем Храмовым. У него железная рука, он чёрта сломит; а я — ты ведь знаешь — отучил- ся от страха.

В е р а *(прижимаясь)*. Знаю, знаю... бесстрашного чёрт бережет. Ты ему, видно, тоже приглянулся.

И г о р ь. Пока ты задремала, — ко мне от товарища Храмова прихо- дил вестовой и сообщил, что перестрелка завяжется часа в четыре. Теперь уже скоро должно быть четыре — посмотри-ка. *(Вера смотрит на ручные часы.)*

В е р а. Без тринадцати минут.

И г о р ь. Значит, скоро... Последние минуты особенно тяжелы. Когда не знаешь, — легче, а в таких вот случаях натягиваешься, словно стру- на... Как удивительно мы встречаем с тобой это страшное утро... Не правда ли, Вера? Ну разве кто-нибудь поверит нам потом, что накануне боя, всего быть может за несколько минут перед смертью — мы сидели в холодном окопе и разговаривали так спокойно? Кто не бывал в боях, тот никогда этому не поверит. А поговорит перед опасностью хорошо. Человеческий голос всегда подбодряет и успокаивает. Попробуй ты в оди- ночку высидеть одна и ждать, мучительно ждать начала? О это непо- стижимый, мертвый ужас. А вместе — вместе легче... Особенно нам с тобой.

В е р а. Да, верно, Игорь, я сейчас даже и не нервничаю, я почему-то твердо убеждена, что сегодня все кончится благополучно. Петр Петрович не напрасно вчера говорил с такой бодростью и надеждой, он на ветер слова не бросает.

И г о р ь. Конечно, конечно, Вера, сегодня большого боя быть не должно. Если только мы чего-нибудь не просмотрели. Но ты знаешь сама, ни один бой не проходит так, как это предполагаешь заблаговременно, — всегда что-нибудь вклинится и изменит весь ход... *(Всматриваясь при- стально вдаль, назад за окопы.)* Кто это ползет?

В е р а. С донесением кто-нибудь...

И г о р ь. А чего же ползти-то, когда можно идти?

В е р а. Струхнул...

И г о р ь. Да, к земле видно клонит. *(Посмотрев в сторону.)* Вон проснулся, закурил кто-то... Ну, Вера, перебирайся в свое логовище... Да разбуди там Купрю...

Вера медленно, неохотно подымается с нагретого места, переходит рядом в окоп, встает на колени; перегородка между окопами низкая — ей видно всего Игоря.

В е р а (*в соседний окоп, к Купря*). Купря, Купря, вставать пора.
И г о р ь. Эй, Купря, просыпайся, — будет, брат, наслаждался.
К у п р я (*просыпаясь, протирая глаза*). А?.. Хорошо. (*Возится, садится, вертит, закуливает.*)

И г о р ь. А знаешь, это кто ползет? Слепцов...

В е р а. Да не может быть — зачем ему?

И г о р ь. Я тебе говорю, Слепцов. Да вот он, посмотри!

В е р а (*узнавая*). И верно, он... Что это такое с ним нынче приключилось... Вот так раз!

Подползает Слепцов.

С л е п ц о в. Здравствуйте, товарищ Дубровин, здравствуйте, Вера Михайловна.

И г о р ь. Доброго здоровья.

В е р а. Здравствуйте.

И г о р ь. Да что это вам вздумалось ползти-то? Вот, чудак, словно его секут пулеметами.

С л е п ц о в. Секут не секут, а могут... Тут, говорят, триста шагов до неприятеля, так что...

И г о р ь (*перебивая*). Вы не с делом?

С л е п ц о в. Как же, как же, и очень срочное.

И г о р ь (*возбуждаясь*). Так что же вы, товарищ Слепцов? Ну?

С л е п ц о в. Ко мне в штаб прискакали гонцы из второго батальона и сообщили, что там никак не могут найти комбата. Предполагают, что сбежал.

И г о р ь. Сбежал? Ах сукин сын...

С л е п ц о в. Предполагают, во всяком случае, нигде его нет.

И г о р ь (*торопливо*). Товарищ Храмов об этом знает?

С л е п ц о в. Нет, я прямо сюда.

И г о р ь. Вы верхом?

С л е п ц о в. Верхом, конь стоит вон там, у дерева. (*Показывает.*)

И г о р ь (*торопливо*). Вот что, товарищ Слепцов, вы оставайтесь пока здесь, сидите в моем окопе, а я живо доскачу на вашем коне в батальон и сделаю, что надо...

С л е п ц о в. Мне, товарищ Дубровин, в штаб...

И г о р ь. Ничего, ничего, в штабе подождут.

С л е п ц о в. Но я...

И г о р ь. Ничего, оставайтесь. (*К Вере.*) Ты значит, Вера, будешь здесь, Купря тоже останется, я живо...

В е р а. Да, я буду тебя ждать.

И г о р ь (*к Купре*). Ты меня, Купря, тоже здесь ожидай.

К у п р я. Здесь, а то куда же.

И г о р ь. Ну, прощайте. (*Быстро уходит.*)

Несколько секунд молчания; все сидят по своим окопам, Купря курит.

С л е п ц о в. Вам страшно, Вера Михайловна?

В е р а. Нет...

С л е п ц о в. Я вас серьезно спрашиваю.

В е р а. Я вам серьезно и отвечаю.

С л е п ц о в. Не допускаю...

Вера делает удивленный взгляд.

В е р а. А женщины — бойцы? Что же они, по-вашему, — все трусы? Каетесь, верно, что пошли с нами? Не для боя вы родились, Иннокентий Григорьевич.

С л е п ц о в. А? Что? Да, да, конечно. (*Рассеянно и тыча пальцем в землю.*) Это, Вера Михайловна, вторая цепь? (*Дергается в окопе.*)

ОБЛОЖКА
ПЕРВОГО ИЗДАНИЯ
ПОВЕСТИ ФУРМАНОВА
«КРАСНЫЙ ДЕСАНТ»
(М., 1923)

В е р а (увидав его трусость, с улыбкой). Седьмая, Иннокентий Григорьевич, седьмая.

С л е п ц о в. Нет, шутки в сторону... Тут дело серьезное — надо быстро и точно во всем разобраться (серьезно и храбрясь).

В е р а (иронически). Ну, конечно, конечно! Как же не разобраться?

С л е п ц о в (смуценно к Купре). У вас, товарищ Куприянов, табачок есть?

К у п р я. Непременно.

С л е п ц о в. Дайте тоже мне на папирску.

К у п р я (подходит, дает кiset, в нем бумага). Извольте.

Слепцов расправляет бумагу, осторожно кладет табак, мусолит бумажку, сигаретка готова. Показываются из-за Куприна окопа три красноармейца и пробираются тихо, как бы крадучись.

П е р в ы й. Эй, братва! (Машет рукой.) Здесь табаком делят. (Обращаясь к Купре.) Сорок*, товарищ.

К у п р я (передавая кiset, который скоро начинает ходить по рукам). Жарь, да не дыми.

Г о л о с. Без дыму пушаем.

Один за другим сползаются двенадцать красноармейцев. Разговор все время идет полужёпотом. Слепцов сидит в своем окопе, Вера в своем, Купря и двое красноармей-

* «Сорок» на красноармейском жаргоне означает: «дай покурить». (Прим. автора.)

цев облокотились на окоп Слешцова. Семь человек сидят кружком, курят, шутят, трое растянулись голова с головой и беседуют — это земляки одного села: Жуков, Ляшко, Ильяка. Они ведут след<ующую> беседу.

Ильяка. (*Худощавый, подслеповатый, ниже среднего роста, 20 лет.*) Жуков!..

Жуков. (*Черноватый, 23 года, среднего роста, из-под шапки кудри.*) А?

Ильяка. В Золотоноше-то, поди, теперь все спят?

Жуков. Знамо, спят...

Ильяка. А может и не спят?

Жуков. Может не спят — кто их знает.

Ляшко. За скотиной поднимаются. Вишь, светать начинается.

Все поднимают головы, осматриваются; говорят редко, медленно, с долгими паузами, ковыряют пальцем землю, выводят пальцем рисунки по куцой траве...

Ильяка. Груньку отдали в Жулякино.

Жуков. За Ермолаева?

Ильяка. Нет, Ермолаева поездом зарезало. Иван Лохматый взял... Еще прошлой осенью... Бьет...

Жуков. Бьет?

Ильяка. Бьет... Узнал, что ребенок есть... Ходил к той старухе, где воспитывается. Кричит: где, говорит, отец? А у самого глаза кровавые и губы дрожат. Накричит, накричит, а домой идет — дерется.

Жуков. Худая, наверно, стала, — вся краса сошла?

Ильяка. Известно — где красе быть.

Ляшко. Молока бы кружку!

Жуков. Ишь, жаркий какой.

Ляшко. Будешь жаркий на росе-то.

Жуков. А ты под росу залезь.

Ильяка. Бузановская роща выгорела совсем — одни пеньки остались.

Жуков. В письме пишут?

Ильяка. В письме... Сестра Манька пишет. Теперь и по грибы, говорят, некуда идти.

Ляшко (*мечтает вслух*). Грибы... в сметане... белый каравай хлеба... Молочко... Му... у... (*Причмокивает.*) Хорошо!

Жуков. Плохо ли с говядиной-то?

Ильяка. Говядины нет, разверстка взяла. Скотина мобилизованная... У Игнатия осталась одна корова с подтелком*.

Ляшко. (*Круглолиц, флегматичен, лет 26, рябоват, лежит кверху лицом, философствует, мечтает, хохол.*) Все мясо будет съедено.

Ильяка (*снимая с рубашки вошь, к Ляшко*). На-ко мяса-то.

Ляшко. Своих на племя много.

Ильяка. Не хочешь — как хочешь. (*Дает щелчка, вошь летит.*) Лети, да не спотыкайся.

Жуков. Не споткнется — к тебе же вернется.

Ильяка. Мои теперь не пустят: новых не принимают.

Ляшко. Небо светлее стало...

Жуков. Холодно...

Все трое передергиваются, ежатся, в дальнейшем хотя и беседуют, но речи не слышно, разговор теперь ведет семерка.

Первый. Думаешь пробьет?

Второй. Пробьет и окоп, все разворотит, только бы ладно попасть... Видал воронки? Четыре сажени длиной, да глубины — дна не видно, вот как шаркнет.

* В рукописи после слова «подтелком» стоит в скобках вопросительный знак.

ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ

Д. А. ФУРМАНОВА
О. Л. ЛЕОНИДОВУ
НА ПЕРВОМ ИЗДАНИИ
ПОВЕСТИ
«КРАСНЫЙ ДЕСАНТ»
(М., 1923):

«Мудреная штука —
жизнь любить!
Олегу Леонидову
Дм. Фурманов.
14/II 1923 г.»

Литературный музей,
Москва

*Мурманский музей —
не забыть! —
Олегу Леонидову
Дм. Фурманову
14/II 1923 г.*
Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Дм. Фурманов.

КРАСНЫЙ ДЕССАНТ.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «КРАСНАЯ НОВЬ»
ГЛАВПОЛИТПРОСВЕТ. МОСКВА—1923.

Первый. Шаркнет-то шаркнет, а окоп не возьмет — она навсегда землю неохотно берет.

Третий. Труп не берет — это верно. Ложись сзади убитого — никогда не достанет. Пуля в трупе вязнет, как в болоте, — наскрозь не выходит... В германскую их накладывали горой — что твои окопы! И помогало, полезно помогало.

Четвертый. Самое худо, когда над головой лопнет — непременно во что-нибудь угодит... по земле — што: тут далеко не рассыплешься, а сверху кроет — почем зря и укрыться некуда.

Третий. Одинаково сладко: что в лоб, что по лбу.

Четвертый. Ну, брат, не одинаково: одно дело шумит, да не трогает, а другое — непременно пронзит. Гром не опасен, опасна молния — вот как!

Третий. А на Вялке, у моста, — помнишь он взял на удар, да прямо в кучу — тридцать пять человек на месте, как пить дать.

Четвертый. Бывает и так.

Пятый. В цепи не страшно, не убьет.

Шестой. Ясно, где в цепь угодишь?

Первый. Ну, и в цепь попадет, когда надо.

Седьмой. В цепи не этим хорошо, что не попадет, а дружно воевать, идти весело, слева плечо, справа плечо — везде горячо.

Ч е т в е р т ы й. Это ничего по ровному месту: ты на виду, а и сам видишь... Вон мы в апреле под Борисовском были — вот тут так ползали: только с одной горы сползешь, а другая; только эту осилишь, а третья — да всё горы, да всё горы. Трудно в горах: чикает-чикает, а откуда он чикает — не видно... А зимой, в бураны мочи нет... Пока лезешь кверху, взопреешь весь, пот с тебя садом-садит... А встанешь передохнуть — сосульки мерзнут... Вот бывало снегу наметет, наметет на шинелишку-то, а на огонь подойдешь — растает... Ты от него отошел — застынет, как кора... Переходы по горам в эту пору будут потяжелее всякого боя.

П е р в ы й. Да, тяжело... Я помню в 15-м году мы на турка лазили под Сарыкамышем. Горы-то, горы — под самые облака... Только где-нибудь две-три сосны затерялись, торчат... Холода там, вьюги — у нас нет таких в губернии; как завернет, аж дыханье захватит, духу не хватает. Вот и полезай — лезли, ничего.

В т о р о й. Лезли-то лезли, да мало нас долезало...

П е р в ы й. У Сарыкамыша-то, помню, всю гору турками завалило; черные, грязные лежат, и на каждом двадцать одежек: рубашки, жилетки, пинжачки, кафтаны — как кочан капустный. А на ногах вроде наших бареток, все распуталось, сползло — так босыми ногами по льду и бежал...

Т р е т ь и й. Тоже вот — мучился человек.

П е р в ы й. Да как мучился — больше нашего: сго туда без дорог гнали, прямо по горам. А там ведь холода не наши — ну и заморозило всех... Рассказывали — сам не видал, что наши солдаты — человек двадцать турок заметили, как те за сугробом сидят, да вроде на изготовку взяли... Едут наши, едут, а те ничего... Едут ближе, а те всё молчат... И до сугроба добрались, скачут, кричат, — те и в ус не дуют, не шевелятся... Когда слезли наши да взглянули, — турки-то все мертвые были, замерзли... Аж страшно стало.

В это время в отдалении раздается гулкий удар и где-то недалеко, визжа и хрипя, лопается снаряд. Все вздрагивают. Суета. Вскрикивают и бегут в окопы. Вера быстро переворачивается и выглядывает сверх окопа; Слепцов хватается руками за голову, быстро скрывается еще ниже и прижимается в угол. Купря и другие — наготове.

К у п р я. Началось...

С л е п ц о в (к Вере). Вера Михайловна!

В е р а. Что вы?

С л е п ц о в. Куда Игорь-то Павлыч сказал — в батальон?

В е р а. В батальон...

Визжит и лопается новый снаряд, за ним другой, третий...

Глухо заработал пулемет, перестал.

С л е п ц о в (в ужасе). Наступают?

В е р а. Кто?

С л е п ц о в. Они?

В е р а. Не видно... Впереди же наша цепь.

Снова пулемет. Он то замирая, то усиливаясь, на мигнуту переставая, — работает все время, иногда работают сразу два-три. Подымается ружейная пальба — сначала одиночные выстрелы, потом пачками, взводами.

К у п р я (к Вере). Жукова убило — цепь передает.

В е р а. Какого Жукова?

К у п р я. А вот что здесь сидел, курчавый, молодой.

В е р а. Насмерть?

К у п р я. Насмерть — живот прорвало.

Близкий разрыв снаряда. «А...а...а...». Слышен крик, потом стоны...

В е р а. Что там, Купря?

К у п р я. Кого-то еще.

В е р а. А санитары здесь?

К у п р я. Надо быть нет, не видно.

В е р а (*выскакивая из окопа, сумка через плечо*). А я сама. (*Быстро уходит направо.*)

Пауза, молчание, через минуту Вера возвращается.

Унесли, санитары подоспели; раздробило ногу, отнимать придется. (*Смотрит на прижавшегося в угол Слепцова, отворачивается.*)

С л е п ц о в. Как вы стоите?

В е р а. От смерти не убережешься, везде достанет. (*Продолжает.*) Молодой, черноусый такой.

К у п р я. Стойкин?

В е р а. Нет не Стойкин, из первого взвода. (*Всматриваясь.*) Это Игорь Павлыч скачет?

К у п р я. Он.

С л е п ц о в (*обрадованно вздрагивает, приподымается, вытягивается, лицо становится оживленным*). Вот как скоро!

Оглушительно рвется снаряд, все невольно нагибаются, Вера выкрикивает: «А-а!» Слепцов беспомощно падает, голова в крови, Вера быстро это замечает, кидается к нему, достает из сумки бинт, под, все что нужно; подбегает Купря. Они вместе живо поднимают ему голову, перевязывают; разговоры: «Тише, тише, вот так, сюда, хорошо, тише»... Вбегает Дубровин.

В е р а. Игорь...

И г о р ь. Что это, Вера, — его убило?

В е р а. Нет, пока жив... Скорей, скорей, позови сюда двоих.

И г о р ь. (*Машет рукой.*) Санитары, двое, сюда!..

Вбегают два красноармейца.

В е р а. Купря, вы тоже ... за голову берите, вот так, не трясите, тихо, тихо... (*К Игорю.*) Повозки есть?

Игорь (*указывает Купре направление*). Прямо за пригорком.

Усиленно работают пулеметы, рвется снаряд. Трое уносят Слепцова. Вера и Игорь смотрят один на другого глубоким взглядом, молча идут в окопы.

В е р а. Вместо тебя. (*Кивает в сторону унесенного Слепцова.*)

И г о р ь. Да...

В е р а. Что там?

И г о р ь. Сбежал командир батальона.

В е р а. Один?

И г о р ь. Один.

Усиливается пулеметный огонь.

В е р а. Значит — все сорвано?

И г о р ь. Не думаю, ему не сообщали, он должен был оставаться на левом фланге.

Усиливается ружейный огонь, слышен глухой шум, топот.

Наступают. (*Взволнованным голосом, вперив взор.*)

Наши бегут из окопов, отстреливаются... Сюда, сюда... Вера...

В е р а. Что, милый?..

И г о р ь. Приготовься, Вера...

В е р а. Я готова. (*Осматривает винтовку.*)

Возвращается Купря, прямо к себе в окоп и за винтовку.

Игорь (к Купре). Жив ли?

Купря. Умер.

Игорь и Вера переглядываются... Шум усиливается, приближается, перестрелка все беспорядочней.

Игорь. Устоят ли? Ну, сейчас... Будь мужественна, крепись, Вера...

Вера. Я спокойна... Я готова...

Несколько человек из наших отступающих красноармейцев пересказывают с той стороны в окопы... Топот усиливается, лязгает оружие. Вдруг залп, другой, третий... Стреляют и Игорь, Вера и Купря. Кидают ручные бомбы... Оглушительная трескотня. Ур-р-ра-а! Ур-р-ра-а-а! Все вырываются из окопов и бегут... Ура гремит и смолкает, утихает только постепенно... Пальба. Она затихает тоже постепенно... Неприятель усиливает оружейный огонь; рвутся снаряды... Тишина, глубокая тишина — она длится минуту.

ЗАНАВЕС

III ДЕЙСТВИЕ

Первая ночь после атаки. Грязная, чадная, прокуренная комната. Направо столик, на котором полевой телефон, ночник-лампа, чернильница и т. п. За столом телефонист и дежурный вестовой. На соломе, посреди комнаты, ближе к авансцене сидят за чаем: Игорь, Вера, Марфа и Купря. У Марфы перевязана рука, у Купри забинтована голова. Три-четыре красноармейца также с перевязками. По углам, притулившись на соломе лежа и сидя, дремлют красноармейцы.

Марфа. Устали мы за сегодняшний день.

Вера. Как не устать: шестнадцать часов непрерывного боя. Да и ту ночь почти совсем не спали.

Купря. Какой в окопах сон: приткнешься словно заяц, а всё видишь и слышишь — это не сон...

Вера. Вам, Купря, собственно говоря, здесь и сидеть-то не подobaет: в лазарет надо ложиться.

Купря. Голова не чугуи — склеится.

Вера. Вы шутите, а дело может кончиться худо: нагноение, заражение — вот и каюк.

Игорь. Она правду говорит, Купря. Смотри, не испорти удалую голову.

Купря. Заживет, Игорь Павлыч, она у меня уж не первый раз беспокоится.

Игорь. Беспокоится... Чудак, от такого беспокойства в могилу уходят.

Купря. Здесь залечим, порча небольшая. Доктор сказал, что проскочило наискосок, только мясо ободрало, а кость живет... Залечим...

Игорь. Смотри, брат, на ходу плохое лечение. А ты, Марфуша, тоже на ходу?

Марфа. Останусь. У меня-то совсем пустое.

Вера. Давно не перевязывала?

Марфа. Нет, недавно; я сюда прямо из околотка. Очень уж доктор, чёрт какой-то: тянет клещами по косточке и в ус не дуе... Словно угли, проклятый, из печки вынимает... Я ему говорю, дескать, осторожней, а он только вылупит на меня рыбы глаза, да так ни слова и не скажет — опять одну за другой выдергивает. Всю-то душу вымотал.

Игорь. Раздробило здорово?

Марфа. Раздробило немного... Безымянный надо быть выбросить придется, жаль: колечко-то будет не на чем носить.

Вера. Шутить, Марфуша, а тоже ведь надо бы лечиться как следует.

М а р ф а. Нежна ты, Вера Михайловна, сама видишь — на войне всю медицину проводить не годится.

В е р а. Верно, Марфуша, но все-таки надобно как-то беречься, а ты ведь полы мыть готова — вот в чем беда.

М а р ф а (*шутя*). Откроем-ка мы в полку дом красных инвалидов... А? Как друзья?

Все смеются.

К у п р я. А как же этот дом за полком будет ходить?

И г о р ь. Колеса приделаем, Купря, колеса.

К у п р я. Ну и тележка будет.

Гудит полевой телефон. «Ш...ш...ш...» Все умолкают.

Т е л е ф о н и с т. Откуда? Откуда? Громче! Бригада? Я слушаю. Да, да. Была передана... Номер тридцать один — восемьдесят четыре.. Во сколько часов? Восемнадцать тридцать пять... (*Кладет трубку.*)

Снова оживление.

И г о р ь (*обращаясь к стоящим красноармейцам*). Товарищи, чего стоите? Ну-ка, айда в кружок — подсаживайтесь к нам чаевничать! (*Человека три-четыре неловко усаживаются.*) А вы, чего? Эй, ребята! Да что тут за стеснение? Ну-ка, ну... Живее...

Г о л о с а. Не... Сыты... Мы недавно пили, товарищ военком, закусывали, не хотим...

И г о р ь. Ну, ежели так — как знаете... А снарядов-то не хватит: чашки придется в очередь...

П е р в ы й (*шутит*). В затылок...

В т о р о й. Как за шкаликом. (*Смех.*)

П е р в ы й. Э, шкаличка-голубчика давно уж не видеть.

И г о р ь. Жалеешь?

П е р в ы й. Знамо, жалко. С холоду-то цапнуть, гм... разлюли малина!

В т о р о й. Правильно.

И г о р ь. Правильно, да не совсем.

Гудит телефон «Ш...ш...ш...» Умолкают.

Т е л е ф о н и с т. Слушаю... Полк слушает... Да... Повторить восемнадцать тридцать пять? Сейчас. (*Роемся в бумагах, находит.*) Бригада, бригада, слушай... Доношу, что к восемнадцати часам сего 7 ноября в результате шестнадцатичасового боя вся территория села Марьянка и его окрестностей очищена. В ранее посланных донесениях подробно указаны все этапы боевой операции. В данное время обстановка такова: штаб полка расположился в Марьянке, здесь же находится и первый батальон. Второй и третий батальоны заняли позиции в трех верстах от селения, имея перед собой неприятеля в четырехстах шагах, на том берегу реки Стори. Кроме указанных ранее трофеев, доставлено три пулемета, шестьдесят восемь винтовок, восемьдесят семь человек пленных. Из опроса последних выяснилось, что неприятель действительно сосредоточил здесь значительные силы и, видимо, готовится или готовился провести в данном районе значительную операцию. Наши потери еще не подсчитаны, но раненых зарегистрировано уже свыше восьмидесяти человек. Убит комроты, два взводных ранены. Полк нуждается в пополнении. Победа досталась дорогой ценой. Напоминаем о недостатке патронов и ручных бомб, израсходованных в утренней атаке. Требование послано. Свежих донесений не поступало. Комполка Храмов. Военком Дубровин. 7 ноября, восемнадцать часов одиннадцать минут. Всё.. А?... Хорошо... (*Кладет трубку.*)

И г о р ь. Да, жару было.

Первый. Горячо...

Марфа. Жалко до конца-то мне не пришлось, увели из оврага. Как это мы вырвались, как помчались — тут я и голову потеряла. Бежим, кричим, словно очумелые, стреляем на ходу. Ну, где же тут нагонишь их, на конях-то? Побежали, побежали, устали. Смотрим, заскочили они за бугор, а там пехоту оставили: тра-та-та, тра-та-та... Стой, ложись... И пошла канитель. Лунев, известно, долго лежать не любит; дал немного передохнуть, да «за мной, ребята, ура...». Тут вот так баню они нам устроили! С обоих концов бугра поставили пулеметы и взяли нас, голубчиков, под перекрестный огонь. Опять ложись, опять окапывайся... Тут-то больше всего и поранило. (К Игорю.) С вами в это время связи, надо быть, никакой не было: вы ушли за гору, и всё перервалось. Мы хорошо слышали, как вы закричали, пошли в атаку, да никак не могли добиться результата, не знаем, как у вас дела идут. Лунев и туда, и сюда — ничего не выходит. А потом, как мы его из ложины-то треснули, тут меня на радостях и поранило.

Вера. Упала, Марфуша?

Марфа. Не качнулась. Сначала даже и боли-то никакой не было... Только вдруг дернуло, словно вот когда к электричеству коснешься. А потом — и заломило, и заломило... Кровь-то ручьем, а пальчики мои мотаются, словно мочалки, грязные, да запеклись, смотреть удивительно... Доктор сказал, что безымянный отымать надо: кувалая стану...

Голос из угла. У меня двух нет — живу...

Третий (из судящих). Чего же тут не жить? У нас в Уральском полку красноармеец совсем на костылях ходил, а другой — без ног был, на култышках. Здесь, говорят, потеряли мы всё, здесь и жизнь положим. Работы им никакой не полагалось, а полк любил и почитал, даже в гордость себе обоих ставил.

Четвертый. Это молодцы. А есть и такие: палец заденет, и рана-то — плюнуть жалко, а он норовит на лечение уехать, да все куда-нибудь подальше, в Питер или Москву, чтобы, значит, в дороге провозиться года полтора...

Первый. Есть, и такие есть, — недаром их пальчиками прозывают.

Вера. Пальчики... Как это нежно...

Игорь. Ну, у нас, кажется, таких не подыщешь. Ведь только посмотреть было надо, сегодня в атаке: словно у каждого крылья за спиной появились. Вперед и, больше никаких!

Первый. У нас к этому не приучены, потому и не повадно. В германскую вон што-што ни делали: и сквозь банку-то из-под консервов стреляли, чтобы, значит, порохом руку не очернить, и ватой ее, руку-то, обертывали... А иной так высунет за окоп всю пятерню и ждет... Немец был стрелок хороший, в бойницу попадал: в ладонь ему отчего же не засыпать? Прострелит палец — ну и раненый — поезжай, братец... Только за последнее время их тоже никуда не пущали, при полку лечили...

Голос из угла. Тогда другое дело — это все на пользу шло... А теперь такому стрелку, пожалуй, и под микитки можно.

Первый. Отчего же, соответственно...

Небольшая пауза.

Второй. Сестрички еще были: ну и ну! Бывало какой-нибудь ферт подскочит на автомобиле: чик — и нет сестренки!

Марфа. Те сестрицы не из нас были, да и не для нас.

Третий. А теперь — в окопе только и торчит. У нас, за Вяткой, одной сестрице начальник дивизии даже часы отдал; снимает, да и говорит: «Возьми, говорит, сестрица, на память, потому что ты это заслужила».

Ну, та и вправду заслужила: по полю все ползала да перевязывала... А тех, что перевязала, наполовину там же снарядами и побило. Этакую — всю жизнь не забудешь. Ей не то што часы — пашку бы золотую надо дать.

Первый. Так на что же ей пашку-то?

Из угла. Бинты рубить будет.

Другой из угла. На блох в атаку пойдет...

Третий. Награда...

Игорь. А ну-ка, ребята, не пора ли на боковую?

Вера. Да, пора...

Шевеление, поднимаются, укладываются.

Первый. Что ж, отдохнуть невредно.

Голоса. За угощение, за компанию...

Игорь. Давайте разбираться. Мы, пожалуй, кучкой вот здесь на солоне и раскинемся... ты как, Вера?

Вера. Здесь, здесь, а Марфуша рядом.

Игорь. Ты, Купря, как?

Купря. А я здесь...

Игорь. Не станешь ложиться?

Купря. Нет, так будет удобнее.

Игорь. Ну, так... Значит, спокойной ночи.

Все гутарят: «спокойной ночи, приятного сна». Долгая пауза. Свет постепенно пропадает — до полного мрака. Затем чуть начинает светать. Слышен свист, храп, глубокое дыхание.

Вестовой (*войдя и обращаясь к уснувшему дежурному*). Дежурный, дежурный!..

Дежурный. А? Что? Какая вода?

Вестовой. Товарищ Дубровин тут который?

Дежурный. Зачем он тебе?

Вестовой. От командира полка пакет имеется.

Дежурный (*тихо будит*). Товарищ Дубровин!..

Игорь (*просыпаясь*). Что?

Дежурный. Вам пакет.

Игорь. Давайте сюда. (*Берет пакет, подымается, идет к свету, читает вслух.*) «Считаю необходимым теперь же отправиться вместе с вами в расположение третьего батальона, где замечается усиленное движение за рекой у неприятеля. Можно полагать, что отыскиваются броды, а может быть уже и совершается где-либо переправа. Коня готовы, и я жду вас у себя, вестовой проводит. Лихорадка как будто треплет послабее, могу ехать сейчас же. Храмов». (*Обращаясь к вестовому.*) Сейчас, товарищ. (*Обедаются, потом смотрит на спящую Веру.*)

А ты — остаешься? Спи спокойно, Верушка, спи... (*Вытягивается весь в ее сторону.*) Ну прощай! (*К вестовому.*) Идем, товарищ.

Уходят. Пауза. Тишина. Чуть светает. Вера беспокоится во сне, раскидывает руки, издаст протяжный стон, потом коротко вскрикивает и, проснувшись, приподымается и садится лицом к Марфе.

Марфа (*просыпавшись на вскрик Веры*). Что ты, Вера?

Вера. Я во сне перепугалась.

Марфа. Ишь, робкая, какая.

Вера (*как бы продолжая*). Что-то дикое и страшное. Я не знаю, где это все происходило. Люди бежали в паническом страхе: толпами, в одиночку, босые, с мохнатыми головами... Они кидались по заборам, по во-

досточным трубам, а сзади их секли мечами. Но кто там сек: людей не было видно. Словно сами мечи полосовали бегущих. (Мясо, кровь, отрепья одежды — я больше не видела ничего...

Марфа. Измучилась ты...

Вера. Да, устала. (*Оглядываясь и не видя Игоря.*) А Игорь?

Марфа. Что Игорь?

Вера. А... (*Как бы что-то поняв.*) Марфуша!

Марфа. Ну?

Вера. Марфуша, милая, он тебе ничего не говорил?

Марфа. Кто?

Вера. Игорь, Игорь Павлыч. Он говорил тебе, куда уйдет? Ну, скажи: говорил?

Марфа. Нет, да что с тобой, Вера? Эк, разнервничалась. А все вчерашняя атака.

Вера. Нет, Марфуша, нет милая — я не из-за этого. Ты ведь знаешь, как я спокойна... А вот по ночам, когда его нет, — не могу... Тяжело...

Марфа. Слепцов наверно в глазах, а думаешь, что Игорь Павлыч. Вот человек жил на алтын и умер за грош. Как-то ненарошком, понапрасну скрючился...

Вера. Да, это верно, Марфуша... А как ты думаешь — где может быть Игорь?

Марфа. Да может и на позицию выехал — что тут особенного? Словно мы не каждый день на позиции?

Вера. Тяжело... Тяжело мне...

Марфа. Ну так уж большая любовь не бывает без большого страдания. Знаешь, Вера, мне даже диковинным кажется, как вы с ним живете, с Игорем-то Павлычем. Словно и не муж — жена, а просто два задушевных товарища. Завидно со стороны: так-то редко живут.

Вера. Говори, говори, Марфуша — мне легче от этих слов.

Марфа. Мы, женщины, только выходим на дорогу. Нас еще, может быть, и не за что уважать. Но есть уж и такие, которые стоят уважения — и ты одна из этих счастливиц... А у меня вот жизнь сложилась совсем по-другому: пьяница-муж никогда не уважал меня и не любил; жил по-собачьи и умер, как пес: за картежной игрой, в пьяном виде... Голову проломали. Ну... Осталось двое ребят. Теперь я сдала их в приют, а сама уехала сюда. Вот и вся жизнь, серая и скучная. У тебя другое, Вера: хоть и тяжело временами, да зато и солнца много. А у меня вот солнца не было.

Слышен отдаленный гул.

Вера (*вслушиваясь*). Ты слышишь, Марфуша?

Марфа. Да, как будто где-то орудийная пальба.

То усиливаясь, то стихая — гул слышен все время и дальше.

Вера. Что это может быть?

Марфа. Не знаю.

Вера. Но все-таки — как ты думаешь?

Марфа. И думать не знаю как.

Вера. А он там... Игорь... Я знаю, что он там.

Марфа. Да полно же, Вера, ну что ты...

Вера. Он там — я чувствую это, Марфуша. (*Вскакивает.*) Идем... Идем... Я тоже хочу туда.

Марфа. Куда мы пойдем?

Вера. Идем, Марфуша! Мы непременно разыщем его и будем вместе.

Марфа. Не нужно, не ходи, подождем здесь.

Вера. Но я же не могу! Марфуша, мне эта неизвестность так тяжела, так тяжела!

К у р ь е р (*входя и громко*). Кто дежурный?

Д е ж у р н ы й (*проснувшись*). Я.

К у р ь е р. Донесение.

Д е ж у р н ы й (*берет и читает вслух*). «Сего 8 ноября, три часа со-рок шесть минут на участке вверенного мне батальона неприятель открыл ожесточенный огонь и пытается занять переправы. Бойцы сопротивляются стойко. Необходимо подкрепление. Слышна канонада со стороны третьего батальона, имеющего соприкосновение с моим левым флангом. Комбат второго, Чернов».

В е р а. Теперь я все понимаю. Он уехал снова в бой и ничего мне не сказал! Ну зачем же, зачем так жестоко! (*Обращаясь к курьеру*.) Послушайте, товарищ, вы там военкома, товарища Дубровина, не видели?

К у р ь е р. Нет, его там не было.

В е р а. А вы из второго батальона?

К у р ь е р. Изо второго.

В е р а. Третий от вас недалеко стоит?

К у р ь е р. Можно сказать — совсем даже близко.

В е р а (*к Марфе*). Ну, Марфуша, поедem, поедem же, хоть ради меня... Или я одна.

М а р ф а. Смыслу не вижу, да и коней нет.

В е р а. А я сейчас... Хотя и неудобно — ну, ладно... (*Будит Купря*.) Купря, Купря! (*Купря просыпается*.) Сходите, пожалуйста, приведите двух поседланных коней.

К у п р я. Откуда?

В е р а. Да откуда хотите. Ну, одного дайте своего, а другого... другого хоть в команде возьмите... или даже одного... одного, Купря, только поскорее, поскорее!

К у п р я (*недоумевая и уходя*). Хорошо, приведу.

В е р а. Пожалуйста, Купря, поскорее, я буду ждать.

К у р ь е р. Мне можно ехать?

Д е ж у р н ы й (*подавая конверт*). Можно.

Курьер уходит.

В е р а (*к Марфе*). Так ты останешься, Марфуша? Ну, я одна, я одна доскачу... Только бы застать.

М а р ф а. Как хочешь — я больше не стану говорить.

В е р а. Да не обижайся, не сердись!

Быстро входит Храмов.

В е р а (*кидается к нему*). Вы... Вы один... А Игорь?

Х р а м о в (*бросая дежурному бумагу*). Живо перепишите! (*К Вере*.) Он... сейчас будет.

В е р а. Где будет? Что вы говорите? Вы...

Х р а м о в. Да, сейчас здесь... Он там... теперь.

В е р а (*в ужасе*). Петр Петрович! Петр Петрович! Он убит? Да говорите же, говорите, что вы молчите?

Х р а м о в. Нет, не убит... Он сейчас.

Распахивается дверь. Слышен топот сапог по ступенькам лестницы. На носилках вносят Игоря. Одеяло окровавленное, грудь забинтованная. Все поднимаются и окружают носилки.

В е р а (*кидаясь*). В грудь... в грудь... На пол. Тише опускайте... Сначала ноги — вот так ... Теперь уйдите, я сама. (*Торопливо к Храмову*.) Чем, Петр Петрович, чем — говорите скорее — осколком или пулей?

Х р а м о в. Разрывной.

В е р а. Где, которое место?

Х р а м о в. Около сердца.

В е р а. Что доктор сказал?

Х р а м о в. Покой нужен, тревожить нельзя.

В е р а (*тихо касаясь бинта, головы, одеяла*). Перевязка слабая какая... Слабая какая. А доктора нужно бы сюда... Да поскорее... Может быть, помощь ему потребуется, без доктора нельзя... Нельзя, нельзя...

И г о р ь (*раскрывая глаза и чуть слышно*). Ты... Вера.

В е р а. Не нужно... Молчи.

И г о р ь. Вот я... опять с тобой...

В е р а. Да, да, со мной... не надо...

И г о р ь. Меня сюда принесли... где вчера...

В е р а. Да, да...

И г о р ь. Вчера... вот тут на соломе... сидели... Шутили... не знали, что будет... сегодня... Как малы сроки... Так вот — сразу... И больше уж не шутим... как на панихиде...

В е р а. Что за панихида — нет, нет... Мы только тихо... чтобы тебе не мешать.

И г о р ь. Да, я вижу... Я все вижу... Как много бойцов... Марфуше руку перебило, Купре голову... Мне грудь... Всех изуродовало... А там, на поле красноармейцы... Вера, Вера...

В е р а. Что ты, милый?

И г о р ь. Вера, ты спокойна?

В е р а. Ну, полно: доктор сказал, что ты будешь здоров.

И г о р ь. Вера... а если нет?

В е р а. Ты будешь здоров... не надо, молчи.

И г о р ь. Вера... Я сам молод и хочу жить, но... если умру — гордись моей смертью: это хорошая смерть... я умер на посту... Я свое дело сделал...

В е р а. Нет, Игорь, нет: ты не умрешь. Твоя рана... твоя рана заживет... Она совсем неглубока... Помолчи... мы потом... потом...

И г о р ь. Потом. Да... Потом... Поцелуй меня, Вера, я усну... Да и я... поцелую тебя... (*Целует.*) Вот так, хорошо... Я... усну... усну...

В е р а (*несколько секунд сидит, а потом стремительно идет к Храмову*). Как это все? Как его ранило?

М а р ф а. В атаке, што ли?

Х р а м о в. В атаке. Он кинулся отбивать мост. Сил не хватило: с ним было всего сорок человек... с того берега открыли жаркий огонь — тут и попал... Раненого сбilo с лошади, но его все-таки вынесли из боя. Первую перевязку делали там же, в батальоне, под огнем, на скорую руку...

В е р а. И вы видели рану?

Х р а м о в. Видел, стоял до конца...

В е р а. Ну, что же: как она, опасна ли?

Х р а м о в. Вера Михайловна, вы не дитя, я человек военный и хитрить не могу, скажу вам прямо: рана глубокая и опасная. Доктор сказал даже — вряд ли выживет.

Вера (*в ужасе*). Но... но... теперь какие меры принять, чтобы спасти его?... Где он, доктор? Не может быть... Он ошибся.

Игорь начинает стонать.

Вера (*опускаясь над носилками*). Что... что, ну что тебе? Ну, Игорь, милый мой, что?

Начинается агония. Лицо Игоря синее. Он то корчится, то вытягивается во весь рост. Звуки все тише. Последние конвульсии, — и он умирает. Вера оцепенелая, без слез, без рыданий смотрит на труп. Долгая пауза. Тихая мелодия похоронного гимна.